

ЕНОХ

ХАТУАХВАР

Взойдёт Солнце правды

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Енох
Хатуахвар: Взойдёт солнце
правды. Часть вторая

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17966974
ISBN 978-5-4474-3267-6*

Аннотация

Тьма в предрассветное время царит не потому, что Солнца нет, а потому, что оно ещё не вошло. Когда же оно взойдёт, мрак нынешнего века рассеется и вскроется каждое доброе устремление и каждое злое. Всё будет расставлено по своим местам: неправильное приложится к неправильному, а правильное – к правильному, что-то останется, а иное будет изничтожено и стёрто. Хатуахвар – это собрание священных текстов царства Соранзон, повествующих о том, как Богом разрушаются и создаются корни бытия.

Содержание

Парадатапант	5
Книга «Грань веры»	5
Книга первая «Исход сарацина»	20
Книга вторая «Исход сарацина»	52
Книга первая «Скрытые от глаз»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Хатуахвар: Взойдёт Солнце правды

Часть вторая

Енох

© Енох, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Если в этом мире существует смерть, значит, в этом существует смысл.
Но мы должны искать мир, где смысла в смерти нет.

И сказал Сидящий на престоле: «Се, творю всё новое», и возвёл новый мир, и дал нам заповедь: «Оставьте старый и идите в новый»

Парадатапант (Жизненные пути, грани человеческой души, правда, явленная народам)

Книга «Грань веры»

Преддверие

1. Доказательство существования Бога требуется тому, кто не знает и никогда не видел Его. Но когда я вижу горящий светильник, мне не нужны никакие доказательства того, что я вижу свет.

2. Если ты слеп и не видишь, какого цвета небо, ты можешь погрузиться в самые сложные философские рассуждения и так и не поверить, что ясным днём небо бывает синим; но если ты прозреешь, то поймёшь, что все слепые рассуждения были бессмысленными, потому что и без них увидишь, что небо синее.

3. Я знаю, что Господь – это единственный путь к жизни, и когда я не следую Ему, я плутаю в смерти. Я знаю, что Он – это Смысл, и когда я существую без Него, я умираю.

4. Он – Причина существования всего, и Дух Его есть Связь: пока Он пребывает, всё соединено, но когда Он исчезает, всё рушится, разлетается и исчезает.

5. Ничто не может существовать без смысла. Солнце нужно, чтобы освещать, планета нужна, чтобы на ней могла родиться жизнь, вода нужна, чтобы поддерживать жизнь, посуда нужна, чтобы есть и пить из неё, дом нужен, чтобы в нём жить.

6. Если засеянное злаками поле никто не будет пожинать, то его существование бессмысленно; но раз поле кто-то посеял, значит, этот кто-то должен и пожать. Если у человека нет души, то существование его тела также бессмысленно. Ибо настанет день, когда весь человеческий род вымрет, и для чего тогда его существование понадобилось?

7. Творец создал вселенную из расчёта на то, что в ней родится тот, кто сможет наблюдать за ней.

8. Творец мог наблюдать за ней с самого начала, а существа, наблюдающие за ней лишь в конце, созданы по образу и подобию Его.

9. Творец – Это Смысл мироздания: Он был в начале и возродился в конце, и без Него Солнце не может знать, что оно необходимо для освещения, и само по себе возникнуть, без Него планета не может знать, что она нужна для рождения на ней жизни, без Него вода не может знать, что её существование необходимо для поддержания жизни, и возникнуть сама по себе. Точно так же и посуда с домом не могут знать, для чего они нужны, и сами по себе возникнуть.

10. Если же звёзды, планеты, вода, посуда и дома имеют свой смысл, то как же может случиться, что человеческая жизнь не имеет смысла существования?

11. Или же если засеянное поле пожинается, то разве человеческий мир не должен в конце также пожинаться?

12. Смысл наших далёких неразумных предков заключался в продлении рода и дальнейшего появления нас, но где же смысл существования разумных существ? Где смысл того, что мы имеем выбор между добром и злом и иногда задумываемся над мимолётностью тленного и бессмертием великого?

Глава 1: Видение о далёких землях

1. Был полный покой, но когда ты родился, то почувствовал беспокойство и возмущение.

2. Познав иллюзорное добро и зло, ты утратил свободу и рай и родился на этой земле в облике разумного полуживотного, из-за падшей природы не способного познать свою Основу – Глубочайшее Я, Единое для всей вселенной.

3. Этим Глубочайшим Я является Вседержитель, и доказательством этого может служить то, что Его голос доносится до нас не откуда-то извне, а из глубин наших сердец. Кто теряет связь с *Глубочайшим Я вселенной*, тот умирает, но кто сохраняет её, обретает жизнь вечную...

4. Эта книга повествует о религиозных воззрениях массагетов – народа, некогда населявшего местность за рекой Араксом по направлению к восходу солнца, а также о мыслях, чувствах и жизненном пути *ремесленника*, чьё имя остаётся в тени неизвестности. Вот, собственно говоря, о чём он писал, о чём думал и что хотел поведать нам о том далёком времени, своей стране и жизни:

5. Хаома был священным напитком, изготовленным из дерева, растущего у подножия горы Хукайры, с вершины которой праведники попадают на небеса, но народ пьёт сей напиток, лишь чтобы пьянеть, наслаждаться и веселиться.

6. Люди почитают и называют священными множество вещей и обычаев, но при этом совершают зло, лгут, ненавидят друг друга и наживаются на горе других. При таком раскладе что же в нашей жизни может быть священным?

7. Несколько десятилетий назад, по свидетельству самого пророка Заратуштры, Ахура Мазда¹ сказал ему: «Человеку дан свободный нравственный выбор благих мыслей, слов и деяний». Так к какому же безволию привела воля нашей плоти и ума и какому порабощению привела свобода нашего зла?

8. Находясь с Богом, Отцом добра и истины – Ахура Маздой, мы не имеем выбора между добром и злом, так как весь выбор предоставили Богу; но отдаляясь от Него, мы начинаем руководствоваться собственным выбором, уводящим нас от света, и что бы мы ни выбрали, всё есть суета и томление духа.

9. Находясь с отцом лжи, насилия и грабежа – Друджем, князем боли и тьмы, пытающимся погрузить народ в забвение и хаос, наш выбор мы предоставляем ему, и начинаем руководствоваться его жестокостью и злостью.

10. Почему в нашей реальности не существует места, где царствовали бы закон и милосердие? не потому ли, что они не царствуют в нас?

11. Недавно у меня было видение, в котором мне явился посланник Спента-Манью (Святого Духа). Он предупреждал, что через несколько лет все живущие в этих краях племена подвергнутся нападению южных воинов. Всеобщая царица массагетов Томирис окажется абсолютно бессильной перед врагом, а в плену у персидского правителя её сын Спаргапис покончит жизнь самоубийством в тот час, когда хмель выйдет из его головы. Я многим рассказал об этом, но все меня слышавшие не обращали на эти слова никакого внимания.

12. Я также возвещал людям о том, какими нас хотел видеть Родитель, чтобы нам не заслужить смерти от рук южных воинов, и о том, чего хотят добиться подчиняющиеся Друджу духи, против которых следовало бы восстать, а не преклоняться. Однако моим словам по-прежнему никто не придавал значения...

13. Многие верят в Ахура Мазду, но мало кто служит Ему, ибо Он говорит: «Я хочу от вас милостыни, а не жертвы, и чистоты вашего сердца, а не бессмысленных обрядов и жертвоприношений», а услышать Его никто не хочет.

¹ Ахура Мазда – имя Вседержителя в зороастризме.

14. Как-то я понял, что на нашем веку большая редкость, чтобы кто-то служил Ахура Мазде не видом, а внутренне, и чтобы кто-то молил Его не об урожае и выручке, а о Его праведном суде, долготерпении и чистоте, благодаря которым среди нас не могло бы поселиться многое зло, не могли бы поселиться раздоры, смятение, непонимание, ненависть и отчаяние;

15. а стоит сказать, что всё это зло очень легко распространяется среди нас без нашей на то воли, да и вообще вся наша судьба мало зависит от нас самих. Я понял это, прожив долгие годы на земле и достаточно поразмышляв над своей судьбой...

16. Примерно до семнадцати лет я жил на окраине небольшого поселения, расположенного далеко на северо-западе от Семиречья и великого озера Балхаш. В детстве, когда мне было ещё тринадцать, мне довелось познакомиться с одной девчонкой, недавно прибывшей в мои родные края. Её звали Рамилис. Мне было приятно с ней общаться, и ей, я уверен, тоже. Впоследствии она стала моей близкой подругой, и отныне большую часть времени я проводил вместе с ней. Мы часто играли вместе, убегали из родного поселения в дальний лес, где никто не смог бы нас найти, и тогда мне казалось, что наша дружба должна продлиться вечность. Я говорил ей, что мы будем вместе всегда, и она наивно верила моим словам. Собственно, я тоже в них верил, однако несколько лет тому назад судьба поступила с нами не лучшим образом. Она разлучила нас, и это произошло без чьей-либо (человеческой) воли – так получилось само по себе – даже не буду вдаваться в подробности, а лучше расскажу вам, что было дальше.

17. По истечении года со дня разлуки, когда я стоял на краю своего поселения и думал о мрачном, ко мне явился небесный дух и спросил: «Что поселило в тебе печаль?»

18. Я немного удивился его появлению и какое-то время стоял молча, и лишь затем решил задать ответный вопрос: «Если в этом мире всё кажется тусклым и печальным и я больше не хочу здесь жить, то что можно сделать?»

19. Посланник Спента-Манью ответил: «Если тебе не нравится этот мир, то ищи новый, и какой найдёшь, в таком и поселишься». После этих слов вестник наваял мне видение, и перед моим взором предстало необычайно красивое и величественное *царство*, чей владыка, *его* предпоследний царь, победил своё злое отражение.

20. В этом царстве не существует лжи, неверности, ненависти, неоправданных надежд, несправедливости, зависти и отчаяния, ибо там правит чистый разум и справедливое милосердие.

21. После открывшегося мне видения я твёрдо решил поставить перед собой задачу найти это царство, когда-то располагавшееся среди северных холмов, и вместе с остальными его воинами начать сражаться с распространителями боли и хаоса, пребывающих вокруг и внутри нас.

Глава 2: Первые чувства и их разложение

1. Когда между нами есть любовь, мы становимся единомышленниками, имеем много общего и стремимся к одним и тем же целям, и эти цели являются правильными. Но когда её нет, оказывается, что мы несовместимы, у нас много разногласий и наши цели не совпадают, и каждая из них по-своему неправильна.

2. Как-то я рассуждал о причинах расставания и о том, почему так получается, что в этом мире схожие и родственные души часто теряют или не могут найти друг друга? Видимо, тёмный князь сего мира так распорядился, чтобы пути душ были зависимы от свойств материи, времени и энергии, которые, в свою очередь, были изуродованы его гордыней – эгоизмом, непониманием, равнодушием, высокомерием.

3. В конечном итоге это всё привело к тому, что человек потерял данную ему изначально любовь, потому как тело и окружающая среда тёмного мира продиктовали ему свои правила.

4. Священное писание Авеста завещает нам верить в человеческую сущность, в основе которой лежит *даэна* (вера и совесть) и *храта* (разум). Но по мне так вышло, этой сущности как таковой вообще не существует, а тогда получается, что многие *верят* ни во что.

5. Ибо Ангра, дух мирового зла, и сейчас и с самого начала говорил в сердце своём: «Я извращу бытие, и разумные люди окажутся бездушными существами, чьё поведение станет определяться лишь инстинктами, и я сделаю их своими слугами.

6. Я разложу самое благородное, что есть в земной душе, на части. Любовь сделаю телесной привязанностью, половым влечением, ревностью и инстинктивными отношениями. Дружбу сделаю лекарством от скуки и стремлением человека к общественной жизни. Счастье приравняю к удовлетворению. Веру превращу в опьяняющее внушение, потребность в котором возникнет из-за страха перед различными тяготами, боязни исчезнуть после смерти и одновременно для наживы и взятия народа религиозными общинами под контроль. Жалость сделаю эмоцией, основанной на отвращении и подсознательной боязни того, что нечто страшное может произойти и с тобой.

7. Когда эти чувства разложатся, душа *человека* рассеется в небытии. *Он* окажется всего лишь организмом, подобным обычному зверю, но я внушу ему, что он – божественное разумное существо, во всём обладающее собственным выбором».

8. Зло Ангры заключается в создании иллюзорного мира и убеждении человека в его существовании – с той целью, чтобы он не видел настоящего, и с той целью, чтобы произвести много боли и несправедливости. Всё, что происходит во вселенной – начиная с падения камня, столкновения воздушных масс и заканчивая появлением жизни, человеческими мыслями и становлением нашей личности, построено на физической причинно-следственной связи. Ангра же, являясь камнем преткновения на пути развития и процветания и препятствуя правильному пониманию сути вещей, убеждает *человека*, что это *он* сам всё решает и выбирает.

9. Тем не менее иногда я задаюсь вопросом – почему Творец сотворил человека перед наступлением кали-юги² – самой тяжёлой эры, в которую Ангра имеет наибольшее влияние?

10. Чтобы получить ответ на этот вопрос, я разговаривал со жрецами, соседями и книжниками, но в конечном итоге ни от кого из них ничего не узнал. Тогда я решил задать этот вопрос самому себе и получил ответ. Я узнал, зачем я был рождён в кали-югу: для того, чтобы у меня был в какой-то мере осознанный выбор между добром и злом, то есть между собственным иллюзорным выбором и волей Ахура Мазды – между иллюзорным и истинным; для того, чтобы в душевном мраке, навеянном демонами, мог родиться источник света, рассеивающий этот мрак; чтобы я лучше осознавал, что есть мрак, а что есть свет.

11. А если человек изначально был бы рождён честным, просветлённым и искренним, как это с большей степенью вероятности произошло бы в светлую космическую эру сатьяюгу, то разве можно было бы рассуждать о нём как о разумном существе, осознающем добро и зло? Я полагаю, что нет, поскольку каждый из нас должен самостоятельно делать выбор между собственным выбором и волей Ахура Мазды, а если этот выбор уже изначально будет сделан за тебя, то в чём же заключались бы наше добро и зло?

² Кали-юга – последняя эра, характеризующаяся безумием и падением нравственности. Ремесленник, возможно, когда-то был в стране под названием Бхарат, где и услышал об этой эре.

Глава 3: Гордыня – главная неправда каждого

1. Отцы! порицая детей за незнания истории, помните, что многие события постепенно уходят в область предания, приходит новое время и новые события, а само ваше порицание за незнания говорит лишь о том, что вы сами не знаете многого того, что должны знать и понимать, ибо вы слишком много значения придаёте внешним проявлениям и знаниям людей, но не придаёте значения сути.

2. Дети! прежде чем противиться наставлениям отцов, поинтересуйтесь тем, чему и для чего вас хотят научить.

3. Верующие! прежде чем порицать неверующих за их безверие, поинтересуйтесь причиной их безверия,

4. а также неверующие, прежде чем порицать верующих за их мировоззрение, поинтересуйтесь, почему и во что они верят.

5. Как религия, так и неверие могут стать причиной деградации, и вместе с тем как вера в истинное, так и неверие в бессмысленное могут стать причиной процветания.

6. Прежде чем порицать глупого, узнайте, почему он таков, и прежде чем хвалить мудрого, узнайте, почему он таков? Узнав это, вы поймёте, что глупый глуп и умный умён по той же причине, почему и одни цветы белые, а другие – красные, и лишь гордыня заставляет нас приписывать себе и людям заслуги и недостатки.

7. Гордыня мешает отцам понять детей, а детям понять отцов, ибо каждому лицемеру своё заблуждение понятней правды другого.

8. Гордыня сеет непонимание, безверие и извращает веру.

9. Главной целью Дружда является творение боли, хаоса и сеяние греха, заключающегося не только в совершении *злых* дел, но и в непризнании *их* совершённости. Если человек каждодневно совершает какое-либо злодеяние и не замечает этого, то когда настанет время ему всё осознать, он воспротивится этому, поскольку гордыня не позволит ему расстаться с иллюзией и примется защищать его зло, как мать защищает своего сына, ибо гордыня – это прародительница всякого греха как на небе (в духовной среде), так и на земле.

10. Гордыня не любит отпускать людей. Именно из-за неё в наших сердцах звучат злые и лживые слова, и слова эти материализуются.

11. Кто имеет в сердце правду, тому бывает трудно её отстоять, но не имеющему её ничего отстаивать не надо – гордыня вместо него защитит его ложь.

12. Кто имеет в сердце чистую веру, тому трудно её сохранить, но не имеющему её ничего сохранять не надо – гордыня вместо него сохранит его безверие или ложную веру.

13. Человек, который ни во что не верит, верит в ничто, и на это «ничто» он осуждается,

14. а верующий в Саошьянта, Спасителя мира, не судится, и смерть теряет перед ним свою силу, но при этом стоит помнить, что вера без дел мертва, и не судится лишь тот верующий, чья вера жива.

15. Человек, который верит в Ахура Мазду, но не живёт по Его закону, уподобляется бесам, потому что и они верят, но ненавидят и боятся предстать перед Его лицом.

16. Истинная вера подобна тёплому ветру, который провоцирует таяние снегов: таким же образом и вера в нас должна рассеивать холод, способствовать благим делам и развитию во всех смыслах этого слова.

17. Многие из нас, которые слушают слово Ахура Мазды, принимают его и восхищаются им, говорят, что оно истинно и должно быть нашим законом. Многие из нас любят подумать о смысле жизни и о высоком, любят почитать священные писания и поговорить на духовные темы. Но какой всё это имеет смысл, когда сами мы живём вразрез со словом Вседержителя? Когда Он говорит нам: «Дороги неправды оставьте в запустении», мы восхищаемся Его словами, но когда видим голодного, не накормим его, и когда видим удручённого, не поддерживаем его, и когда видим что-то недоделанное и неудобное, не усовершенствуем это. Так какой же был смысл в том, что мы слышали слово Божие? Разве в этом случае мы не оказались подобны полю, на которое сеяли семена, но на котором ничего не возросло?

18. Как-то раз мне довелось быть свидетелем словесной перепалки между неверующим *ратаэштаром* – лицом, наделённым воинской властью, и местным *мобедом* – священнослужителем нашего храма.

19. Конфликт постепенно нарастал, и в какой-то момент неверующий со злости дал пощёчину мобеду и, вспомнив слова пророка Заратуштры, громко сказал ему: «А теперь желай мне счастья, чтобы оно было и у тебя! Ведь именно так Ахура Мазда сказал Заратуштре: желай счастья другим, и сам будешь счастлив! Почему же ты так злобно на меня смотришь, когда я тебя ударил, и не желаешь мне счастья?»

20. Мобед не сдержал своей злости, в ответ дёрнул за бороду своего соперника, а затем сквозь зубы проговорил: «Как легко тебе отстоять свои суждения, ни во что не уверовавший! Ты ни имеешь нравственных правил, ни следуешь нашим традициям, и для тебя нет ничего святого!»

21. Ратаэштар, поправив бороду и скривив от злости губы, ответил: «Твой поступок для меня означает лишь одно: ваша религия и скрижали – пустое место, и они абсолютно не делают ваши жизни лучше! На рассвете ты свершал ясну (священнодействие), воображая из себя приближенного Ахура Мазды, а сейчас не хочешь исполнять Его нравственные правила!»

22. – «Скажу прямо: твои рассуждения тоже очень странные: как ты можешь говорить о нравственных правилах Ахура Мазды, если не признаёшь их и не веруешь в Самого Ахура Мазду?! – усмехнулся Мобед, – И почему, оскорбив мою веру и чувства, ты полагаешь, что я не должен тебе мстить, в то время как если я оскоблю твои чувства, добра мне от тебя явно не стоит ожидать?»

23. – «Для меня нет нравственных правил, о которых написано в вашем священном писании, и поэтому я поступаю вопреки им. Вы же имеете эти нравственные правила, но поступаете ничуть не лучше! В чём же тогда смысл вашей веры?» – ратаэштар всё пытался

добиться того, чтобы его собеседник на его зло не отвечал злом, однако при этом он продолжал сталкиваться с обычной человеческой агрессией и раздражением – точно такими же качествами, какие были присущи и ему самому. И тогда он в очередной раз разочаровывался в том, во что никогда не верил.

24. Но почему же мобед, которому по его званию изначально приписано благочестие, поступал подобным образом? Думаю, поскольку боялся того, что уступив ратаэштари, он со своими убеждениями в очередной раз оказался бы в проигрыше. Это обычный человеческий страх, и винить его в нём или оправдывать, указывая на него, глупо.

25. Единственное, что можно сказать в данной ситуации в качестве послесловия, так это что и религия, и военное дело, и наука не должны существовать отдельно друг от друга. Зачем нужна религия, если не будет никакого развития и улучшения? И что хорошего принесёт наука, если не будет нравственных правил и человек не будет ведать о смысле его дел? И какой толк в военном деле без науки и веры?

26. От науки людей отталкивает не сама наука, а её преподнесение. Точно так же и со всем остальным, и с религией. Если что-то преподнести в свете бессмысленности, то почему это должно привлечь нас? Но если науку и религию преподнести как единое, гармоничное и действительно приносящее благо, то кого это не заинтересует?

27. А посему и главным является не каждая из этих составляющих по отдельности, а гармония между ними: их единство и цели, достигнутые благодаря этому единству. Когда же достигается это единство, становится ясно, что наука и религия есть одно и то же.

28. А если одно звено из кольца повредится и выпадет, кольца уже не станет: оно будет погублено.

29. Спаситель спасает и себя и других. Губитель губит и себя и остальных.

30. Общество невозможно поделить на верующих и неверующих, потому что в одно и то же все и верят и не верят по-разному; а разные вещи порой называют одним и тем же словом.

31. Каждый должен знать своё место и стараться не осуждать другого. Если тебе кажутся ненужными и бесполезными дела другого, посмотри на свои дела и достижения. Также посмотри на возможность осуществления тех или иных дел тобой и тем, чьи дела тебе кажутся ненужными и бесполезными, ибо так получается, что кому-то даётся возможность раскрыться в чём-то, а кому-то – нет.

32. Суть жизни большинства монахов – рано встать, помолиться, добросовестно потрудиться для общества, ещё раз помолиться и лечь спать.

33. Если взять добросовестность, справедливость и веру монаха, ум и сообразительность учёного и бесстрашие и неотступность воина, не будет ли достигнута любая цель? Но к сожалению, эти три стихии зачастую существуют отдельно друг от друга.

34. Если святые, затворившись в монастырях и кельях, только лишь молятся и живут сами по себе, они мало приносят пользы. Учёные и начальники, не имея очищения от грехов и часто помышляющие зло, также не приносят много пользы, но если же учёными и начальниками в каком бы то ни было деле окажутся святые, не будет ли достигнута любая благая цель?

35. Гордыня и непонимание разделяют грани одного целого и становятся камнем преткновения на пути к процветанию.

36. Кем бы ты ни был, это не даёт тебе права возвышать себя над остальными, и во сколько раз ты больше *другого* пользы ни приносил, ты не можешь считать себя лучше *его*, потому как принеся пользу тысяче, но незаслуженно обидев одного, ты уже не сыграешь положительную роль.

37. Не стоит также осуждать какую-либо касту или сословие целиком, будь то религиозных или светских людей, воинов или мирных жителей, царей или простых земледельцев, потому что в каждом огороде растут сорняки, но и каждым нашим огородом питаемся мы.

38. Почему верующий может быть вдвойне неправ в своих суждениях? Потому что часто бывает, что вероисповедание, пусть даже самое правильное, исшедшее от Самого́ Бога, накладывается на нашу суеверную, мирскую, порочную сущность, на наши плохие черты, нажитые или присущие по природе, и в итоге получается какая-то непонятная *смесь* из суеверий, молитв и извращённых взглядов. Часто бывает, что если человек до этого ходил к колдунам и гадалкам, то этот же самый человек точно также будет ходить и в храм Божий, а пользы от этого будет ровно столько же.

39. И самое главное зло при этом заключается в том, что верующий готов пойти на всё, лишь бы отстоять свои неправильные представления, и он твердо уверен, что эти непонятные для других представления, на самом деле рождённые в заблуждениях и пороках, являются истиной и светом;

40. хотя за нашу гордыню и бесчинства Господь лишил нас небесной мудрости, и чтобы вновь обрести её, необходимо постоянно смирять себя и молиться, необходимо исправлять свои недостатки и стремиться совершать только дела, имеющие смысл, способствующие развитию и процветанию, а не твёрдо стоять на своих устоявшихся заблуждениях.

41. Для верующих это приводит к тому, что их религия начинает основываться на их невежестве, темноте и суевериях. Для неверующих это приводит к тому, что их взгляды начинают основываться на безбожии и той же темноте.

42. Главная же неправда неверующего заключается в том, что он бессмысленные смертные вещи считает смыслом жизни, и также твёрдо стоит на своём.

Глава 4: Устав веры

1. Всё едино, последовательно и нераздельно, но так как мы, являясь сосудами неведения, часто заблуждаемся и всячески отрицаем это, жизнь для нас насыщена противоречиями и всяческим непониманием.

2. Как правило, в любом споре я всегда был на стороне мобедов, но лишь до того момента, пока сам не погрузился в бурные дебаты с одним из верховных служителей храма Ахура Мазды – сар-мобедом.

3. Как говорят священные писания, каждый приверженец нашей веры должен являться:

4. маздаясной, то есть почитателем Ахура Мазды;

5. заратуштри, то есть последователем Заратуштры;

6. видаэвой, то есть противником дивов – злых духов, некогда почитаемых арийцами;

7. и ахуро-ткаэшой, то есть приверженцем веры в Ахура Мазду.

8. Наша религия включает в себя девять основ:

9. веру в великого Творца, именуемого Ахура Маздой;

10. веру в Заратуштру как единственного пророка Ахура Мазды, указавшего человечеству путь к праведности и чистоте;

11. веру в существование духовного мира (мину) и в двух духов (Святого и злого), от выбора между которыми зависит судьба человека в духовном мире;

12. вера в Ашу – изначально установленный Ахура Маздой вселенский закон праведности и гармонии, на поддержание которого должны быть направлены усилия человека, избравшего добро;

13. веру в человеческую сущность, в основе которой лежит даэна (вера и совесть) и храта (разум), позволяющие каждому человеку отличать добро от зла;

14. веру в семь амешаспентов как в семь небесных духов-учителей и семь ступеней совершенствования человеческой личности;

15. веру в дадодахеш и ашудад – то есть во взаимопомощь и поддержку нуждающихся;

16. веру в святость *природных стихий* – огня, воды, воздуха и земли, *живой природы* – растений и скота как творений Ахура Мазды, и в необходимость заботы о них;

17. веру во Фрашо-керети – в окончательную победу Ахура Мазды, всеобщее изгнание зла и чудодейственное преобразование бытия, должное свершиться благодаря совместным усилиям всех праведных людей во главе с Саошьянтом – Спасителем мира.

18. Мой рассказ следует начать с того, что я всегда почитал Заратуштру и его учение, и лишь сар-мобед заставил меня согрешить и в споре с ним чуть ли не помянуть благородного пророка недобрым словом.

19. Когда мы разговаривали со священнослужителем, он говорил мне, что Заратуштра – единственный, кто указал человечеству путь к праведности и чистоте, и что я должен ему поклоняться как Богу. Но я воспротивился его речам и ответил: «Он был великим пророком, посланным Ахура Маздой для просветления нас, но он – всего лишь один из многих, и не стоит его ставить наравне со всемогущим Ахура Маздой».

20. От моих слов сар-мобед возмутился и обвинил меня в ереси: «Ты – простой смертный человек, и не можешь прекословить уставам нашей церкви и словам Ахура Мазды!»

21. Во мне вспыхнуло ответное возмущение, и я сказал: «Я – простой смертный; таким являешься и ты. Сам Заратуштра был смертным, и уверен, что и он бы не согласился с вашим неправильным изложением Авесты, если бы услышал ваши слова.

22. Пророк говорил, что лишь общался с Ахура Маздой, но сам он является всего лишь одним из проповедников Его слова. Ведь если он был единственным, то кто поведал о правде другим народам, далеко живущим от этих мест?»

23. – «С этим разобрались, – с раздражительной усмешкой сказал сар-мобед, – А какую ещё основу нашей веры ты хочешь стереть из писаний и из нашей жизни?»

24. – «Я никого не хочу обидеть, но с какой стороны я не посмотрю, из девяти основ верными мне кажутся только семь, – ответил я, – Человеческая сущность без Ахура Мазды ничто – она подобна яблоне, которая летом покрывается зелёной листвой и приносит много плодов, а как лето уходит, она вянет, вся листва осыпается, и плодов уже никаких не приносит.

25. Так и мы: когда Породивший нас уходит, мы не можем приносить никаких плодов. И зачем же нам тогда верить в человеческую сущность [13]?»

26. По всей видимости, сар-мобед услышал мои слова и внутренне хотя бы частично согласился с тем, что не все уставы нашей веры являются верными. Он тяжело вздохнул и сказал: «Ремесленник, я никак не пойму, чего ты от меня, как ты сказал, такого же смертного, ждёшь? На основании Авесты и сказанного Заратуштрой мы пытаемся открыть народу глаза. Ты же прекословишь и говоришь, что половина наших догм и убеждений ошибочны. Но каков станет мир без нравственных основ и религии? Не подчинится ли он Друджу, духу мирового зла, пользующемуся человеческим невежеством и пренебрежением ко всему святому?

27. Посмотри на другие народы – на неверных и идолопоклонников: они воруют, убивают, издеваются друг над другом, занимаются развратом, воспитывают садистов и мародёров, а мы стараемся жить более праведно».

28. Немного подумав над этим, я ответил: «В этом я с тобой соглашусь, мы молодцы. Окружающий мир и вправду более развращённый и жестокий, а мы всё-таки как-никак до сих пор продержались в истине и по сравнению с другими пали последними. Мы не смогли до конца остаться верными Богу, но всё-таки долгое время старались это делать, и злым силам удалось завладеть нами лишь сейчас. Это весьма хорошо – вернее, это было хорошо до некоторых пор, но сейчас уже не имеет никакого смысла, потому что не отрекаясь

от своих заблуждений, в духовном мире мы пребываем там же, где и все остальные падшие грешники.

29. Важно ведь не когда ты пал, а сам факт падения и его высота: если с маленькой высоты упасть, то можно обойтись синяками, а если с горы навернуться, то и жизнь вряд ли удастся сохранить.

30. К тому же если мы станем сравнивать себя с падшими, то скоро присоединимся к ним, а наше хождение в храм Ахура Мазды окажется заблуждением, потому что в этом случае мы будем считать, что служим Истинному Богу, хотя на самом деле послужим Друджу, и тогда идолопоклонники и сектанты окажутся более оправданными в своей жизни, нежели мы, ибо они служат бесам и часто не отрицают этого, а мы, служа им, станем говорить, что служим Ахура Мазде. Это называется хулой на Святого Духа, за которое полагается страшнейшее наказание, ибо если вы неправы, тогда и не стойте у престола правды: стоя поодаль от него, вы просто останетесь во тьме, а если подойдёте ближе, то исполненные неправдой сгорите, так как всякая совершенная истина сжигает всякую ложь.

31. Наш Бог совершенен, на Него нам и надо равняться; а если мы будем считать себя недостойными этого, то окажемся в заблуждении, потому что Он нас и создал по Своему образу и подобию для того, чтобы мы на Него равнялись.

32. Что же касается наших догм и уставов, как сказал сам Заратуштра, «человеку дан свободный нравственный выбор благих мыслей, слов и деяний». Если душа человека в своей основе светла, то ничто не способно склонить её к Друджу, потому что она не изменяется во времени и в зависимости от места, обстоятельств, времени и глубины свободы, предопределяющей возможность выбора, лишь проявляет свои различные грани. А посему совсем не обязательно учить слово в слово основы нашего вероучения и искать истину в тексте. Правду следует искать в сердце, а мудрость сердца сверять со священным писанием, которое не должно противоречить морали».

33. – «А если же противоречие морали и другие недочёты в писании всё-таки присутствуют?» – удручённо спросил мобед, на что я ответил: «Люди делятся на две категории: некоторые, читая священное писание, выискивают в нём одни лишь изъяны; другие же закрывают на них глаза и выносят из текста лишь самое хорошее. Но как бы там ни было, писание с изъянами – несовершенное, и для его совершенствования необходимо их убирать».

34. Нахмурившись, дастур³ спросил: «Ты предлагаешь перестроить сложившиеся уставы веры и перевернуть слова священного писания?! Это вздор! Ахура Мазда накажет за это, потому что Его слова не могут быть неправильными, и переделывать их нельзя!»

35. – «Но ты же говоришь сейчас не о Нём, – ответил я, – а о текстах несовершенных людей, излагавших Его слово, будучи в несовершенном мире. Я же говорю тебе о Господе, сотворившем совершенный мир, где не существует лжи, смерти и боли.

36. Конечно, редактируя тексты, не надо ничего перевирать, а надо просто определиться с тем, что устарело, а что актуально, что потеряло смысл, а что – нет. Авеста не говорит о том, что надо верить и уповать только на свою человеческую сущность и что Заратуштра – единственный просветитель всех народов: нашего – возможно, но не всех.

37. Она призывает к тому, что надо помогать бедствующим и павшим духом, совершенствовать мир, заботиться друг о друге и о животных. Она говорит, что надо верить в Спасителя, Который придёт в этот мир, чтобы отдать Свою жизнь за наши души.

38. Да будем же призывать Саошьянта (Спасителя), о Котором ещё давным-давно пророчила Спасительная земля, некогда увиденная мною во сне, и служить Его совершенному слову, и исполнять Его заповеди жизни! Да будем сердцем слушать голос Его и разрушать

³ Священнослужитель высокого ранга, утверждённый собранием мобедов.

мироустройство Друджа – главного врага того царства, где не существует боли, отчаяния и смерти.

39. На земле заблуждаются все, и какой бы народ, храм или род ни взять, заблуждение и неправда найдётся и в нём. Однако проявление Господа в том-то и заключается, чтобы всякое заблуждение отсекалось, а истина оставалась, ибо Господь – это не только совершенство, но и совершенствование. Если же мы будем искать своим заблуждениям объяснения, оправдывая, а не признавая своих ошибок, тогда не преуспеем ли мы в самих заблуждениях и не утратим ли способность совершенствования?

40. Есть много искавших и бросивших поиски, но немного находящих, верующих во имя Его, продержавшихся в поиске до конца, отказавшихся от своих человеческих суждений ради единого истинного Бога, отрехшихся от иллюзии правильности своих взглядов ради Господа нашего и Саошьянта, для Которого мерзость то, что нам представляется правильным;

41. а Господь и заключается не только в обнаружении правды, но и в её поиске и в том, чтобы нашедший её не оставлял её взаперти своего сердца, но и дарил миру, дабы тот исцелялся и шёл к совершенству».

Глава 5: Смех над чужим горем

1. За обедом я часто пил хаому со своими близкими и, разговаривая с ними в этот момент, во многом чувствовал схожесть наших мыслей. Однако как только речь заходила об Авесте, мы начинали чуть ли не ссориться, поскольку наши разногласия касательно веры были весьма значительными.

2. Это было очень глупо, и все злились от непонимания, ибо каждый упёрто считал правым лишь себя, а всех остальных принимал за тёмных, непросвещённых невежд, не способных прислушаться к его словам. Я, как и все остальные, также стремился доказать собеседникам истинность своих суждений, но мои доказательства называли ерундой, а меня – безрассудным.

3. После такой беседы во мне вспыхнуло раздражение, и я долго не мог с ним справиться, хотя в глубине души всё-таки понимал, что занимаюсь такой же бессмыслицей, какой занимается и всё моё окружение. При всём этом я осознавал, что не могу самостоятельно побороть в себе плохие эмоции, засевшие во мне от споров и пререканий, видимо, потому что самопроизвольные процессы во мне доминируют над сознательными.

4. Злые мысли начали рассеиваться лишь в тот момент, когда рядом с собой я почувствовал какую-то неземную, благотворную и неизмеримо древнюю сущность. Ею оказался добрый вестник, небесный язат.

5. Подлетев к моему уху на крыльях света, он обратился ко мне и спросил: «Ну и к чему привели эти пустые споры? Лучше пойдёшь и сделаешь доброе дело: за твоим окном сидит нищий, чьи глаза поразила язвенная болезнь. Принеси ему свой лекарственный настой бессмертника и накажи протирать им глаза каждый день, чтобы он мог прозреть».

6. Одумавшись и поняв, что был не прав, я поблагодарил духа за духовную помощь, и по его указанию отправился к слепому нищему и отдал ему свой настой. И когда я сделал это, на душе как-то сразу полегчало.

7. После этого меня почему-то посетила мысль о том, что же заставляет людей смеяться над чужими неудачами или, более того, горем? Естественным такой смех быть не может, потому что есть вещи смешные, а есть прискорбные и трагичные, однако по различным причинам именно они время от времени вызывают в людях злорадство.

8. Наиболее оправданный его тип возникает всего лишь из-за того, что людям свойственно искать единомышленников и тех, у кого в жизни складываются такие же ситуации, как у них. Если ты слеп, ты будешь искать решение своих проблем в общении с другими

слепцами. Если ты несчастлив, ты станешь искать поддержку у таких же несчастливцев; ибо счастливый, сам не испытав несчастья, тебя скорее всего не поймёт, а то и вовсе посмеётся над тобой. Когда же у такого человека случается какое-либо потрясение, тогда уже ты в свою очередь хочешь отвернуться от него и наигранно насмехаешься над его горем.

9. Таким образом, в какой-то степени оправданное злорадство возникает, когда тебя никто не слышал, и все лишь насмеялись над тобой, но теперь, когда плохо остальным, и в тебе возникает желание насмеяться над ними. Неоправданное же злорадство есть то, которое не имеет причины.

10. Неоправданные грехи – это те, которые повлекли за собой всё зло и грехи, которым можно найти объяснение.

Глава 6: Где искать силу?

1. Восприятие человека зависит от его эмоционального состояния, и иногда бывает, что даже святыя заповеди кажутся тебе глупыми, а всякое мирское словоблудие видится тебе наполненным смыслом.

2. Часто бывает: когда слышишь истину, тебя невольно к ней влечёт, но потом проходит время, чувства притупляются, истина забывается, и ты уже становишься не способным воспринимать её, совершать или произносить что-либо доброе. Твоя душа будто умирает, и где же взять силу, чтобы оживить её?

3. Существует множество учений и священных писаний, и некоторые полагают, что духовная сила таится в их изучении, однако какой это имеет смысл, если в тебе не живёт справедливость, ты всё равно не стремишься помочь нуждающемуся в помощи, если в тебе не находится места для сострадания к обделённым и обездоленным, для заботы об остальных, но есть место для гордыни, алчности и ожесточения?!

4. Ахура Мазде не нужны наши обряды и знания священных писаний, а Ему нужны наша чистота и верность.

5. Уже грядут времена, когда Саошьянт сойдёт с небес для того, чтобы принять венец, который мы Ему преподнесём – так из чего же мы его сплетём?

6. – «Ахура Мазда, прошу Тебя, избавь нашу землю от гибели в предстоящей битве! – как-то молился я, – Прости, что плетём для Тебя колкий венец – мы виноваты и не заслуживаем Твоей милости, но тем не менее молю Тебя: спаси нашу землю и для успокоения моего сердца покажи мне ход предстоящих событий».

7. После моей просьбы Господь послал ко мне небесного *язата*, и он навел на меня видение, раскрывающее ближайшее будущее нашей страны. И я снова увидел, как через несколько лет все живущие в этих краях племена подвергнутся атаке войск, грядущих с юга, и как всеобщая царица здешних народов – Томирис, в какой-то момент окажется абсолютно бессильной перед врагом, а в плену у персидского правителя её сын Спаргапис покончит жизнь самоубийством.

8. Я удивился этому видению и сказал небесному посланнику: «Всё, что ты мне показал, я уже видел! Теперь же я хочу знать дальнейшую судьбу массагетов. Хочу знать, погибнет ли наш народ?»

9. – «Это зависит от того, кто из вас, массагетов и персов, более гордый и жестокий, – мягким голосом ответил язат, – Если же вы таковыми являетесь, то мидийскому царю⁴ не составит труда вас завоевать; но если это не так, Отец предпочтёт вашу победу».

10. Сказав это, *язат* приблизился ко мне и прежним мягким голосом добавил: «Никому не говори об увиденном. Мы не желаем, чтобы народ почитал Ахура Мазду лишь за чудеса и предсказания язатов и провидцев. Пусть пророкам Всемогущего отныне верят лишь те,

⁴ Кир являлся царём как Персии, так и завоёванной им лет 30 тому назад Мидии.

кто готов сделать это в душе, а не умом; и посему утихомирь свои желания, ремесленник, и больше не предрекай ни войн, ни смертей, ни бедствий и говори с людьми лишь о том, что касается духовного».

11. После этого видения моё желание стать пророком постепенно утихло, и я понял, что любовь к Отцу нашему должна выражаться не в познании священных писаний, не в предсказаниях, а в милосердии и справедливости; и наша сила должна заключаться не в жизненном опыте, не в земной власти и даже не в способности творить чудеса, как некоторые могущественные волхвы, а в любви. Ибо где она есть, там, если Отцу угодно, и чудеса творятся и нарушаются законы мироздания.

12. Веруйте и соблюдайте заповеди совести, имеющие смысл, и по вере и соблюдению вашему изменятся законы мироздания.

13. Идите, и придёте, ищите, и найдёте, ибо куда течёт вода, туда и притекает, к чему стремится душа, того и достигает.

14. Так складывается, что взрослея, ты всё больше и больше понимаешь невозможность исполнения того, о чём мечтал в юности; но всё же я верю, что у Отца существует много реальностей, устроенных совсем иначе, нежели наша. Я верю в их существование и надеюсь когда-нибудь увидеть тот мир, в котором не рассеивались бы наши надежды и не рушились мечты.

Глава 7: К далёкому царству

1. Мне удалось завершить свою книгу, названную мною *Гранью веры*, лишь по истечении нескольких лет, за которые из хуйта⁵ мне пришлось превратиться в воина. Сражаясь на стороне царицы Томирис, я получил на войне сильное ранение руки и не мог писать, да и не на чем было в столь тяжёлое время; однако как только у меня появилась возможность продолжить написание, я ею сразу же воспользовался.

2. Война окончена! Мидийский царь Кир мёртв, а нашу царицу за её расчётливость, смелость и хладнокровие прозвали королевой воинов.

3. Мало кто из персов ожидал встретить на поле боя армию бесстрашных массагетских женщин, чьё сердце как огонь пылало отвагой и любовью к родине. Возможно, именно из-за пролитой крови этих воительниц и покаяния всего народа в целом Ахура Мазда благословил Томирис и всё её войско, несмотря на то, что многие из сражавшихся были язычниками и ничего не знали о Нём.

4. Глядя на многочисленные жертвы массагетов – тиграхаудов, обитавших в предгорье Тянь-Шаня и между реками Сырдарья и Амударья, и хаомаваргов, пивших священную хаому и живших в долине реки Мургаб, Томирис решила приговорить захваченного Кира к смерти. Согласно слухам, она лично отрубила ему голову, бросила её в кожаный мешок, наполненный кровью двух её предателей, и при всех воскликнула: «Ты хотел крови, так пей же её до дна!» Правда это или нет, мне неизвестно, но тем не менее победа в любом случае была за нами...

5. Как-то на месте бывшего сражения мне посчастливилось встретить царицу. Заметив на себе мой пристальный взгляд, она приблизилась ко мне и спросила: «Почему ты бродишь в одиночестве по кровавому полю, воин? Иди на торжества и пей хаому, воспевай силу Ахура Мазды и нашего народа, благословлённого Им!»

6. Однако на её слова мне пришлось ответить следующее: «Я не могу больше оставаться здесь. Я всю жизнь скитался по этим землям, чтобы сразиться с врагом; но теперь настало время отправиться в путь – в то царство, где не существует неверности и предательства, лжи и суеверия, ненависти и отчаяния».

⁵ «Хуйт» с авестийского языка переводится как «ремесленник».

7. Наморщив лоб, Томирис спросила: «Что же это за царство, в котором не существует всего этого?», на что я радостно ответил: «Это самое величественное среди народов царство, которому надлежит тысячелетиями бороться с силами мрака. Имя ему – Соранзон!»

8. Королева воинов усмехнулась, а затем, сделав серьёзное выражение лица, произнесла: «Ты служил мне как честный и сильный воин. Теперь иди, ищи это царство, но при этом не забывай о своих корнях и своей сакской царице!»

9. – «Не забуду, – ответил я, – и если узнаю, что над массагетской землёй вновь нависла угроза, то непременно вернусь, ибо вспомню о тебе и о людях, пострадавших от Друджа».

10. Воин, чьё имя остаётся неизвестным, будто растворился, а Томирис стояла на поле минувшего боя и смотрела в даль, озарённую мягким красным закатом.

11. В этот безмятежный прекрасный вечер лишь Йор и духи Его ведали о том, как светлые послы-аменасамы, Фогреул и Минуварлог, в мгновение ока перенесли одинокого ремесленника в царство Соранзон, в котором ему был дан меч для сражения с сеятелями отчаяния и скорби, и он взял его в свои руки и держал крепко, потому что печалился и жалел всех пострадавших от Друджа людей.

12. Томирис тоже печалилась и любила свой страдающий народ и старалась делать всё возможное для его процветания;

13. и царь Соранзона, Дмирджуран, любил свой народ и скорбел по каждому павшему в бою воину, по каждой печали и горю, в его земле случавшемуся...

14. С момента кровавых событий прошло много времени. Между Соранзоном и силами мрака наступала новая битва. Воин-ремесленник, как-то раздумывая о том, не иссякла ли в мире любовь, однажды вспомнил, что и подруга его молодости – Рамилис, когда-то любила его и верила, что они останутся вместе навсегда. Тогда, внутренне уразумев, за что ему предстоит сражаться, перед наступлением нового боя он произнёс:

15. «Клянусь в верности нашему Создателю и Отцу, перед лицом Которого не страшны ни скорби, ни смерть!

16. Когда-то я не знал Его и поэтому не служил Ему, но теперь знаю и служу, и свидетельствую о том, что Отец наш – это Любовь! и свидетельство моё истинно, потому что лгать мне сейчас нет никакого смысла: я ухожу отсюда навсегда, и за имя Его я посвящаю себя.

17. Бог любит всех Своих детей в независимости от того, грешны они или нет, и поэтому Ему не надо, чтобы кто-то расплачивался и отвечал за своё зло: Ему надо, чтобы в мире просто не было зла, а если человек ничего не имеет, кроме зла, не следует ли Господу сжечь его и предать забвению?

18. Я свидетельствую вам о Боге, Которого называют Господом, Йором, Ахура Маздой и другими именами, и истинно говорю, что я видел Его и поэтому мне не нужны никакие доказательства того, что Он есть.

19. Не было у меня большего желания в жизни, нежели чтобы мир пребывал в Его правде. Ибо я знаю, насколько прекрасным и разнообразным Он сотворил бытие, и также знаю, что в какое бы время и в какой части вселенной какое бы существо ни сотворило благо, оно воплощало Его мысли, и какое бы существо ни услышало правду, оно слышало Его голос!

20. Я говорю вам это напоследок, и говорю вам истину, потому что лгать сейчас мне нет смысла: я ухожу отсюда навсегда».

21. Так воин и ремесленник погиб в битве с силами мрака; но несмотря на это, его душа всё же продолжает обретаться где-то на небесах, а его слово – в наших сердцах.

Книга первая «Исход сарацина»

Преддверие

1. Эта история рассказывает о сарацине Атми́ Сира́вне, его жизни, мыслях, чувствах и миропонимании. Прежде чем приступить к повествованию, было бы справедливо упомянуть о детстве и юности этого воина, полюбившего странствие.

2. Его родители, Абелі́м и Ні́сия, были простыми людьми, посвятившими всю свою жизнь честному труду: отец целыми днями пахал в поле, а мать вела домашнее хозяйство. Семья жила на северо-западе от Месопотамии – в Ас-сурийи. Когда Атми исполнилось десять лет, его забрали в сарацинскую армию – в отряд Каджі́хия – сильного и очень умного, но при этом жестокого и властного воина, всегда вооружённого двумя саблями.

3. В детстве Атми был очень непослушным ребёнком – видимо, из-за того, что у него часто портилось настроение; но он не капризничал, не ругался и никого ни в чём не упрекал, а просто уединялся и углублялся в свои мысли. Покидая лагерь сарацинского отряда, он не предупреждал и не спрашивал разрешения у взрослых. Это очень раздражало Каджихия. Ему не нравилось, что Атми пытался уйти от его власти, и однажды озлобленный предводитель решил наказать этого совсем юного сарацина и сказал ему: «Отныне ты станешь не воином, а рабом: до самой смерти будешь выполнять тяжёлые работы, убирать за верблюдами навоз на местах наших стоянок и исполнять мои поручения!»

4. Хотя ребёнок и попросил прощения, это всё же не спасло его от дальнейшего рабства.

5. Время шло. Глядя на других узников, Атми стал понимать, что многие из них честнее и справедливее, нежели большинство воинов; и с осознанием этого все его представления о воинской чести и благородстве, сложившиеся в детстве, разрушились, а новые представления о невольниках рисовали образы благородных и несчастных людей, многие из которых были искалечены и обречены на мучения до конца своих дней – и всё потому, что они продолжали трудиться и служить тем, кто бил их плетью, морил голодом, ругал и при этом смеялся над ними.

6. Среди рабов в юности у лишённого свободы сарацина появился друг по имени Корé Ар-Фа́й – иногда его называли Вухі́мом. Он был немного старше Атми, по жизни рассудительнее и осторожнее. До того как сарацины убили его родителей, а его самого взяли в рабство, он жил в Урдуне и там обучался строительству и ремеслу.

7. Неся свою ношу на плечах, два раба часто ходили вместе и тихо разговаривали таким образом, чтобы надсмотрщики не могли уловить смысл их речи.

8. «Коре, ты меня старше, – говорил Атми, – но наивен как ребёнок. Каджихий убил твоих родителей, а меня разлучил с моей семьёй, и испортил нам жизнь. Почему бы нам не устроить побег?! Я больше не могу терпеть его тиранию! Посмотри на этих бедных измученных стариков: они хромые, скрюченные, жалкие, потому что служат Каджихию и его свите. А посмотри на этого человека по имени Мамляк: у него нет глаза – Каші́м со злости выколол его, а Мамляк продолжает ему служить. Хватит, Коре!»

9. Собеседник тихо, но с раздражением ответил: «Своей справедливостью ты навлечёшь на нас беду. Тебе восемнадцать лет, и ты глуп, а эти надсмотрщики опытные и умные, и могут угадать каждую твою мысль, а потом выколоть и тебе глаза! Чего ты хочешь – навлечь на нас гнев Каджихия?»

10. – «Я просто хочу забыть этого человека и больше никогда не видеть».

11. Немного подумав о плане своего друга, Коре в конечном итоге всё же согласился на побег.

12. Как-то вечером оба невольника взяли поклажу, делая вид, что работают, и отошли в сторону. Затем, сбросив ношу, они побежали и даже, как им казалось, полетели на свободу

словно птицы. В тот момент весь мир показался им прекрасным, и их души посетила великая радость, но она оказалась непродолжительной. Вздыхаемый копытами в воздух песок засыпал им лица, и надсмотрщики на мчащихся верблюдах окружили их и ударили обоих по спинам палками так сильно, что рабы повалились на землю. Так закончился их побег.

13. Поздним вечером того же дня предводитель приказал связать их, а наутро, когда он со своим советником Кашимом решил найти новое место для лагеря, несколько невольников волокли провинившихся по земле.

14. Коре ругался и осуждал друга, говоря, что он не думает ни о своей жизни, ни о жизни других, но тот успокаивал его и говорил: «Хорошо, что глаза не выкололи. Ведь как прекрасно небо в очах страдающего тела».

Глава 1: Любой выбор был плох

1. Сарацины продвигались вдоль южной границы Ас-сурийи на восток – к реке аль-Фуират. За это время Атми подрос, возмужал и набрался жизненного опыта. От постоянной тяжёлой ноши его сила возрастала, а дух укреплялся.

2. Во время походов часто замечая рядом с собой молодого сильного невольника, Мамляк, пожилой одноглазый раб, однажды сказал Атми: «Я уже слепой, старый и слабый, и моя участь до конца своих дней быть невольником жестокого господина, скитающегося по пустыне. Ты же, Атми, ещё совсем молод, но уже достаточно силён, и у тебя есть необходимые навыки. Я хочу, чтобы ты отомстил за всех нас Кашиму – этому злодею, который выколол мне глаз, и Каджихию. Когда они были маленькими, я от всего сердца желал им только добра, защищал их от врагов и учил воевать. Но однажды они устроили заговор против нас, старых вояк, одолели и превратили в рабов; шли по селениям, сея ужас и разрушение, разоряя семьи, убивая взрослых и забирая в рабство детей, в то время как мы должны были таскать на себе вещи и еду для этих нелюдей.

3. Не прими меня за старого глупого ворчуна, затаившего в своём сердце зло, потому что моя просьба к тебе вполне справедлива, и если ты не хочешь прожить такую жизнь, какая была у меня и у других старых рабов, то прислушайся к этим словам». Едва Мамляк успел договорить, как надсмотрщик прошёлся хлыстом по его спине.

4. На протяжении всего своего рабства Сиравн и без этого часто думал о свободе, но после разговора со старым воином подобные мысли значительно участились.

5. Когда у Атми находилось свободное время, он втайне ото всех совершенствовал свои боевые навыки и зачастую подсматривал за движениями сарацинов Каджихия во время тренировочных боёв и когда те разоряли селения и сражались с бедуинами...

6. Однажды настало время, когда одному из соратников Каджихия – Кашиму, в очередной раз вздумалось пролить кровь несчастных бедуинов. Желая подтолкнуть предводи-

теля на новый разбой, он рассказал ему одну историю из далёкого прошлого: «Как-то давным-давно я забрёл в одну местность, что на востоке отсюда. Я не был предусмотрителен и пошёл один, в то время как на моём пути попало маленькое селение бедуинов, старейшиной которого являлся старый знакомый Ав-нури. Я сказал людям, что пришёл забрать десять детей для воинского служения тебе, но тут народ обступил меня, и я увидел перед собой нескольких рослых воинов, погнавших меня прочь. Песок засыпал мои глаза, меня мучила жажда. Ав-нури сказал, чтобы я навсегда покинул те земли, однако прежде чем уйти, я поклялся отомстить за моё изгнание и позор. До сих пор не могу забыть того унижения! Если ты, Каджихий, хочешь лёгким путём добыть рабов и богатство, давай нападём на село Ав-нури!»

7. Никак не вдохновившись рассказом соратника, предводитель ответил: «Нам незачем проделывать лишний путь. К тому же твой старый враг Ав-нури, наверно, уже давно мёртв. Забудь».

8. – «Ты совершаешь ошибку, – несмотря на отказ предводителя, продолжал настаивать Кашим, – Мы с тобой много раз использовали разработанный нами боевой план и всегда приходили и забирали своё. Почему же ты сейчас отказываешься ради меня пополнить наши мешки вещами, драгоценностями и провизией?»

9. – «Потому что сейчас в мои планы входит покинуть эти проклятые пески и найти более пригодные для жизни места. Рано или поздно я хочу проникнуть в великий город Эль-Мадью, расположенный на севере по течению аль-Фуирата», – пояснил предводитель.

10. На какое-то время Кашим замолчал, задумавшись над тем, каким образом ему лучше проявить своё недовольство, а затем повелевающим тоном попытался скомандовать: «Воины-сарацины! идите со мной в селение Ав-нури! Мы перебьём всех мужчин и захватим их богатства и женщин!»

11. – «Кашим, угомонись! – грозно перебил его Каджихий, – Кто ты такой, чтобы распоряжаться?! Не ты здесь приказы отдаёшь!»

12. После напряжённого разговора Кашим верхом на верблюде отбежал от своего предводителя в сторону и произнёс: «А не пора ли нам сменить власть, мои соплеменники?! Больно уж она приелась!»

13. Услышав столь дерзкие слова, Каджихий покраснел от злости и с разбегу набросился на восставшего против него соратника. Они сцепились в смертельном поединке. Предводитель случайно соскользнул с верблюда и немного подвернул ногу, но тут же принял боевую позу, зарычал как зверь и ударил саблей по ногам верблюда, на котором сидел Кашим. Последний свалился на землю, и в этот момент предводитель сарацинского отряда зарезал его. Все, увидев, насколько сильным оказался Каджихий, ещё больше стали бояться его, однако Сиравну страх не мешал по-прежнему думать о свободе.

14. Прошло какое-то время. Однажды устало волоча ношу, Атми сказал своему другу: «Слушай меня, Ар-Фаи: я не оставил мечту о побеге, которую мы в своё время не осуществили. Видишь ли – надоел мне наш страх! Я понимаю, что так просто нам не скрыться от наших поработителей, но когда предводитель решит напасть на кого-либо, мы, кем бы он ни оказался, перейдём на его сторону и вместе одолеем Каджихия».

15. – «Ты обезумел! Что с тобой случилось? Опять хочешь причинить нам вред?! – возмущался Коре, – А подумал ли ты, что противник Каджихия может оказаться хуже его самого: ещё злее, или же, если Каджихий выиграет битву, то придумает нам страшнейшую казнь!» Сиравн молчал, но лишь до некоторых пор...

16. Как-то раз Каджихий решил отправиться к реке аль-Фуират, по которой с севера, как он недавно узнал, в скором времени должны привезти различные товары и рабов – именно то, чем предводитель всегда был не прочь завладеть. Его план был очень прост: когда груз прибыл, Каджихий и его воины шли спокойно, и приплывшим на первый взгляд пока-

залось, что этот человек – купец. Однако не успели они опомниться, как отряд Каджихия с боевым кличем неожиданно напал на них.

17. Несмотря на завязавшуюся драку, надсмотрщики по-прежнему стояли и наблюдали за рабами, одного из которых это очень раздражало, но вместе с тем не помешало осуществить свою задумку. В первый же удобный момент этот невольник вскочил, вырвал у стоящего поблизости сарацина саблю, стянул его с верблюда и зарубил. Некоторые рабы продолжали стоять на месте, а другие воспользовались случаем и вслед за Атми набросились на своих надзирателей, но те, умело владея оружием, многих из них убили...

18. В это время Коре удалось выхватить у надзирателя саблю и зарубить его, после чего все прежде бездействующие рабы принялись сражаться на стороне приплывших против отряда своего предводителя. Заметив это, Каджихий вышел из себя и словно хищный зверь прорычал: «Пусть я не убью врагов, зато убью гнусных предателей!» Он обернулся назад и обратил своё оружие против рабов, в то время как его воины сражались с корабельной стражей. Предводитель зарубил сразу троих человек и мог бы увеличить число своих жертв, если в этот момент к месту схватки не подоспел бы Сиравн и не встал напротив него. Остановив своей его саблю, он стал сражаться. Каджихий очень удивился, заметив, как подневольный сарацин неплохо владеет оружием, несмотря на то, что он тренировался с ней лишь в детстве, и сказал: «Атми, хоть тебе и удалось удержать свою саблю, ты всё равно умрёшь от моей руки! а перед смертью пожалеешь, что предал меня!»

19. После этих слов они вновь схватились. Предводитель оказался немного сильнее Сиравна, но последний не падал духом и, получив ранение в лицо и грудь, с какой-то обидой и спокойствием, приобретённым лишь благодаря усилию воли, произнёс: «Ты забрал меня ребёнком, и вместо славных походов, милосердия и почести я получил избиение, рабство и унижение. Я видел горе и муки, которые ты причинял своим рабам, жителям пустыни и мне. Предатель – это ты, и ты поплатишься за свою жестокость и несправедливость!» Сразу же после обмена мнениями друг о друге Сиравн безо всякого страха бросился на предводителя. В какой-то момент он поднырнул под его удар, вывел врага из равновесия, ранил в бок, нанёс ещё несколько ударов саблей и перерезал ему горло.

20. Всё оставшееся войско *Каджихия* разбежалось от страха, а приплывший военачальник по имени Ушим забрал себе всех *его* рабов на корабль в качестве трофея. Сиравн, также очутившись на судне, в первый же удобный момент хорошо спрятался за череду бочек с вином и маслом и чудом остался незамеченным, и по этой причине не был заключён в клеть, расположенную в трюме. Когда никого из надсмотрщиков рядом не было, он шепнул Коре и другим узникам в клетки: «Как только мы приплывём в порт, я освобожу вас всех. Будьте в этом уверены».

21. Сразу после выгрузки товара, предназначенного для продажи в ближайшем городе, корабль отправился в путь до следующего порта и рынка, расположенного возле него.

22. Прошло несколько часов. Близились утро следующего дня. Многие из рабов, в том числе и Сиравн, сильно замёрзли, пребывая в тёмном сыром холодном трюме. Вокруг не имелось ни одежды и ничего другого, во что можно было бы укутаться и согреться, а валялось лишь множество пустых ящиков. Кроме мешка полузасохших овощей, лежавшего в самом конце помещения, еды никакой не было, и в дополнение к холоду рабов и Сиравна мучил сильный голод и жажда.

23. Когда настало утро и мягкие лучи восходящего солнца проникли через маленькое окошечко, находившееся под потолком, несмотря на изнеможение, наступившее после длительной голодовки, Атми нашёл в себе силы быстро выскочить из-за бочек, зарубить надсмотрщика, забрать у него ключи от клетки и освободить узников, которые вскоре также принялись сражаться с надзирателями.

24. В начале драки Сиравна окружили и пытались убить три стража, но внезапно ему на помощь подоспел Вухим (Коре) и сразился с одним из них.

25. Сиравн ловко наносил удары и уворачивался от вражеских сабель и в конечном итоге поразил своих врагов. Вслед за этим расчётливый сарацин вывел рабов с корабля и, находясь возле рынка, пытаясь перекрыть окружающий шум и гам, громко сказал им: «Бегите, ибо всех нам не победить!»

26. Бывшие узники стали разбегаться, но некоторым из них в спины вонзились стрелы. Среди раненных оказался и друг Атми – Коре, которому удалось скрыться от врагов лишь благодаря неимоверным усилиям и верному товарищу.

27. Спустя некоторое время, когда двое друзей удалились от порта на большое расстояние, они встретили небольшую группу рабов, сбежавших с корабля вместе с ними. Один из них приблизился к ним и опечаленно произнёс: «Этот план был безумен, и многих убили. Но лучше быть мёртвым, чем потерять свободу на всю оставшуюся жизнь; а мы к тому же по-прежнему живы, за что и благодарим вас».

28. Поначалу Атми не знал, что ответить на это, но потом сказал: «Идите своим путём, обретшие волю. Вы теперь сами себе хозяева». Так они попрощались и разошлись каждый своей дорогой.

29. Вместе со своим другом Атми побрёл по пустыне, где не было ни воды, ни еды, но была свобода и невыносимая жара.

30. От боли и большой потери крови Коре выглядел бледным и часто причитал, повторяя одно и то же: «Эх, зачем мы сбежали и зачем ввязались в драку! Я не был бы сейчас ранен, и у нас были бы вода и еда... Пусть Каджихий всех угнетал, но мы его слушались, и у нас была вода... Мы слушались бы и приплывшего господина, зато у нас была бы вода и еда... А так – лишь смертельная рана в спине».

31. От страданий и обиды друга Сиравна мучили мрачные мысли и совесть. В его голове всё смешалось, и он уже и сам не мог понять, хорошо или плохо он поступил, устроив подневольным бедуинам побег?

32. Миновав небольшой бархан, Коре Ар-Фаи, чьё выражение лица говорило о полном бессилии, страхе и отчаянии, произнёс: «Я больше не могу идти: мне плохо. Я чувствую, как силы покидают меня». После этих слов, продолжая стонать, он упал на землю, утянув за собой ослабевшего от жажды Атми. Его дыхание становилось всё труднее и труднее, а взгляд – всё более отстранённым и неживым. В один момент Коре еле слышно пробормотал: «Похоже, пора нам прощаться. Этот мир... он просто меня сильнее».

33. Атми сел на горячий песок рядом с ним, держа его голову своей рукой, и сидел так до последней его минуты.

34. Помимо глубокого сожаления и душевной скорби внезапно на него нашла паническая боязнь, которая наступила, казалось бы, беспричинно.

35. Оставив мёртвого друга лежать на песке, он продолжил свой путь дальше в одиночку.

36. Внутри у него всё болело, и его голову наполнили мрачные и тревожные мысли о бессилии и брешности человеческого тела, внушающие ему неприязнь ко всему окружающему и некую подсознательную боязнь существования.

37. Одиноким странник пытался успокоить свой разум, но не мог этого сделать, и по этой причине постоянно раздражался и впадал в ещё большее отчаяние.

38. Однажды он остановился посреди песков и закричал: «Любой выбор был плох!»

Глава 2: Приют

1. Сарацин устало брёл по пустыне в течение нескольких дней. Пищей ему служили ящерицы и змеи, которых он с трудом отлавливал и ел с отвращением. Иногда ему попадались растения – тогда он выкапывал их и высасывал сок. Странник знал, какие растения можно потреблять, а какие нет – этому он научился ещё в детстве у одного старого раба. И всё же несмотря на свои многочисленные навыки, он не мог долго продержаться на том, что попадалось на его пути, так как воды и пропитания было слишком мало,

2. но однажды пустыня закончилась. Сарацин оказался на зелёной поляне и увидел стоявший на ней деревянный немного покосившийся дом. Подойдя к нему, на пороге он встретил хозяйку – очень приятную на вид женщину с добрыми большими глазами, и попросил пить. Та принесла ему воды и мягким голосом спросила: «Откуда ты? У тебя нет дома? Ты не похож на пьяницу-бродягу».

3. Одинокий странник ответил: «Я – сарацин по имени Атми Сиравн. Пришёл с юга – с другого берега реки аль-Фуират, из пограничных пустынь Ас-сурийи. Дома у меня нет с самого детства, но не потому что я пьяница, а потому что я простой скиталец. Благодарю за воду». После этого хозяйка, которую звали Элибьей, на какое-то время призадумалась, а потом сделала Атми следующее предложение: «У нас много трудностей с домашним хозяйством, а мужчины нет, лишь я и дочка. Абах Джильнин забрал моего мужа в армию, и там он погиб. Если ты что-то умеешь делать по хозяйству, можешь ненадолго остаться: будешь выполнять по дому различные работы, зато с голоду не умрёшь». Атми не ожидал получить такое быстрое предложение, но с радостью согласился остаться и вскоре познакомился с дочерью хозяйки, которая в ближайшем времени должна была уехать и выйти замуж за знатного шаха аль-Шийта...

4. С этого дня странник пустыни стал прислуживать Элибье. Он выполнял различные плотнические работы, охотился на луговых грызунов – другие животные в этих местах редко когда встречались, ходил на рынок, расположенный довольно далеко от этих мест, носил воду.

5. Однажды хозяйка пожаловалась Атми на испорченную – протекавшую во время дождя крышу. Не увидев в этом особой проблемы, сарацин подготовил свежие доски, взобрался на неё и принялся стучать. Приколотив одну хорошую доску вместо гнилой, он переместился на другое место, но не рассчитал, что столь ненадёжная крыша может его не выдержать.

6. Прогнившее дерево треснуло. Сарацин полетел вниз. Упав, он потерял сознание, а когда очнулся на небольшой промежуток времени, то ничего не чувствовал, не мог пошевелиться и оказался даже не в состоянии позвать на помощь. Обнаружив его, Элибья тут же кликнула свою дочь, и они ужаснулись и запричитали, не зная что делать. Позже женщи-

нам с трудом удалось отнести покалеченного на кровать, и на ней он пришёл в себя лишь спустя большой промежуток времени. Помутнённое сознание не давало ему почувствовать всю ту боль и беспомощность, которые должно было испытывать повреждённое тело. Он лежал так несколько дней и никак не хотел верить в то, что с ним произошло, потому что боялся навсегда остаться обездвиженным. Нижняя часть тела не слушалась, и он ею ничего не чувствовал, а правая рука ко всему прочему была сломана и парализована, и, по правде говоря, действующей конечностью у него оставалась лишь левая рука. Таким вот печальным образом закончилась простая починка крыши.

7. Есть и ходить в туалет сарацину помогали Элибья и её дочь Офшия. Боль и беспомощность непрестанно одолевали его, а мысль о том, насколько неудачным оказалось его знакомство с молодой симпатичной Офшией, скоро должной уехать к шаху аль-Шииту, просто выводила его из себя.

8. Через месяц дух Атми окончательно потерял какие-либо силы. Впадая чуть ли не в беспамятство, он постоянно говорил себе: «Я так долго лежу беспомощным как бревно, мечтая лишь о смерти. Не могу больше терпеть эти страдания. Я – простой человек, а не святой мученик, и поэтому хочу либо нормально жить, либо умереть».

9. Дух хозяйки Элибьи тоже ослаб, и она часто причитала, ругала Атми и ссорилась с дочерью: «Вот зачём я приютила его?! Знала бы, насколько он неумен, чтобы так с крыши шарахнуться – и не подумала бы пускать! Теперь лежит, постоянно ворчит и ноет, а ведь не выбросишь его никуда! Ты-то, дочка, скоро уедешь, и мне придётся одной вести хозяйство и ухаживать за ним!»

10. Однако Офшия ещё несколько дней ходила в мрачном унылом состоянии, что-то постоянно обдумывала, но потом твердо заявила матери о своём намерении остаться: «Я остаюсь, ибо не хочу бросать тебя одну, и буду ухаживать за сарацином, так как он – благородный и сильный духом человек, но сила у всех людей ограничена».

11. – «Подожди, как это остаёшься? – с удивление спросила мать, – А как же аль-Шиит? Ты должна к нему ехать, и это безоговорочно».

12. – «Нет, мама. Я сделала свой выбор и вижу, что он вполне справедливый», – уверенно решила Офшия.

13. – «Дочь моя, разве ты не знаешь, что шаха нельзя заставлять ждать?! Там ты будешь жить во дворце, и у тебя даже появятся слуги, а если откажешь ему, то навлечёшь на наш дом беду – он отомстит».

14. – «А зачем идти к человеку, который станет мстить? Я что – себе враг? Если он злопамятный и несправедливый, то для чего мне с ним жить?»

15. Так Офшия осталась в своём доме, а явившемуся вскоре гонцу аль-Шиита сказала, что сейчас не может к нему приехать. Гонец ушёл, а дочь хозяйки продолжила помогать матери по дому и ухаживать за Сиравном, всё это время часто укорявшим себя и судьбу за то, что его странствия и знакомство с Офшией закончились таким вот плачевным образом.

16. Однажды, когда дочь хозяйки пришла его покормить, он сказал ей: «На вашем месте было бы логично убить меня, и я за это на вас не держал бы никакой обиды. Подумайте над этим, потому что неизвестно, сколько ещё я буду лежать здесь словно бревно, и к тому же как я смогу вас отблагодарить?»

17. Офшия слегка улыбнулась и ответила: «Мне ничего не надо, лишь бы ты поправился и встал на ноги. Только так ноша будет сброшена и с нас и с тебя. Поправляйся, а я дальше стану выхаживать и лечить тебя».

18. Атми многое хотел сказать своей собеседнице, однако его сознание не позволяло сделать это, а голова была тяжела и настолько туго соображала, что мысли в ней зачастую сплетались между собой. Но несмотря на это, случалось и такое, что его посещали вполне слаженные рассуждения, в частности, о человеческих вероисповеданиях, духовном мире,

богах и обо всём остальном, о чём может думать человек в преддверии тяжких страданий и смерти.

19. Одним светлым и жарким утром он решил запечатлеть свои мысли и попросил у хозяйки кусок бумаги с пером.

Глава 3: Рукописи сарацина

1. Существует бесконечное множество воззрений и верований. Одни говорят, что вселенную создал бог-воитель Ашшур. Другие говорят, что её создал владыка сонма богов Ан (Ану), третьи говорят, что её создал другой бог, четвёртые спорят с ними и говорят, что вселенную создали несколько богов; пятые спорят с ними и говорят, что она произошла сама по себе; шестые спорят с ними и говорят, что вселенная создана Ашшуром и одновременно она произошла сама по себе.

2. Другие же не верят ни в ассирийского бога Ашшура, ни в то, что всё происходит само по себе – без какого-либо разумного умысла, но верят в шумерского верховного бога неба Ана и более низших богов земли и неба, Аннунаков и Игигов. Иные же утверждают, что они заблуждаются.

3. Одни говорят, что мир бесконечен и вечен, вторые говорят, что он бесконечен, но не вечен, третьи – что не бесконечен, не вечен, четвёртые – что ни бесконечен, ни небесконечен, ни вечен, ни не вечен, пятые – что он отчасти бесконечен, отчасти небесконечен, отчасти вечен, отчасти не вечен, шестые – что эти понятия вообще нельзя применять для мира.

4. Одни говорили, что Ашшур – бог-воитель, вторые – что бог-создатель, третьи говорили, что он был всегда, четвёртые говорили, что он когда-то возник из ничего, пятые говорили, что он породил сам себя, шестые говорили, что он наравне с другими богами был порождён вышестоящим Творцом, седьмые говорили, что Он и есть Творец, восьмые говорили – что он и Творец и нетворец. Одни говорили, что он есть, вторые спорили с ними и говорили, что его нет, третьи спорили с ними и говорили, что он одновременно есть и одновременно его нет, четвёртые спорили с ними и говорили, что он ни не есть, ни его нет.

5. Бесконечно огромная сеть воззрений породила и споры на тему того, что такое запредельные миры и чем является смерть. Одни говорили, что смерть – это некая граница, и после смерти все попадают в темницу. Вторые говорили, что не в темницу, третьи – что после смерти ты исчезаешь, четвёртые – что не исчезаешь. Одни говорили, что после смерти остаются чувства, сознание, ум и форма, вторые говорили, что после неё остаются чувства, сознание, ум, но форма не остаётся. Третьи спорили с ними и говорили, что после смерти остаются только чувства и сознание. Четвёртые спорили с ними и говорили, что остаётся лишь сознание. Пятые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего. Шестые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего из вышеперечисленного, но остаётся нечто неизвестное никому из живущих. Седьмые спорили с ними и говорили, что не остаётся ничего из вышеперечисленного, но остаётся нечто известное всем живущим. Восьмые спорили со всеми вышеперечисленными и говорили, что после смерти равно не остаются чувства, сознание, ум и форма, и равно остаются чувства, сознание, ум и форма. Девятые спорили с ними и говорили, что равно остаются и не остаются чувства и сознание, а ум и форма не остаются. Десятые говорили, что сознание равно остаётся и равно не остаётся, а чувства, ум и форма не остаются, хотя некоторые считали, что остаются. Одиннадцатые говорили, что чувства равно остаются и не остаются, а сознание, ум и форма не остаются, хотя некоторые считали, что остаются. Двенадцатые спорили с ними и говорили, что сознание, чувства, ум и форма остаются лишь частично, тринадцатые говорили, что они остаются, но в ином, не присущем этой земле виде, четырнадцатые спорили с ними и говорили, что остаются в таком же виде, пятнадцатые спорили с ними и говорили, что сознание и чувства остаются

в таком виде, а ум и форма – в другом, шестнадцатые говорили, что наоборот, семнадцатые, что как наоборот, так и не наоборот, а восемнадцатые спорили с ними и говорили, что не наоборот и ни не наоборот.

6. Одни говорили, что после смерти ты можешь попасть либо в темницу, либо на светлый остров блаженных. Вторые говорили, что после смерти ты не попадёшь ни туда, ни туда. Третьи говорили, что после смерти ты никуда не попадёшь. Четвёртые говорили, что после смерти ты не попадёшь никуда из того, что можешь себе представить при жизни. Одни говорили, что сперва ты будешь судиться богами и плыть по реке. Вторые говорили, что сперва ты будешь судиться духами и стоять в зале суда. Третьи говорили, что тебя никто судить не будет, ибо ты сам себе судья. Четвёртые говорили, что лишь Творец – всем судья, а Творец – это Ашшур; однако шестые считали, что Творец – это не Ашшур. Седьмые говорили, что ты будешь судиться как самим собой, так и Ашшуром. Восьмые говорили, что суждение самим собой – это и есть суждение Ашшуром. Девятые говорили, что это не правильно, так как мы не можем себя справедливо судить. Последующие говорили, что предыдущие вообще не о том, о чём надо, рассуждали.

7. Сперва говорили, что солнце – это бог. Потом говорили, что солнце – это не бог, но у солнца есть бог. Потом говорили, что у него нет бога. Потом говорили, что солнце – это воплощение бога. Потом говорили, что не воплощение. Потом говорили, что нет бога солнца. Потом говорили, что его нет в таком виде, как мы его воспринимаем, но есть в другом. Потом говорили, что всё-таки мы правильно его воспринимаем. Потом говорили, что мы его то правильно, то неправильно воспринимаем. Потом говорили, что он невоспринимаем, однако потом говорили, что всё-таки воспринимаем. Потом говорили, что он ни воспринимаем, ни невоспринимаем. Потом говорили, что он невоспринимаем, потому что его нет. Потом говорили, что нет того бога солнца, которого мы знаем, ибо истинного мы не знаем. Потом говорили, что бог солнца и бог неба – одно и то же, и надо думать о нём как о едином боге солнца и неба.

8. Через бесконечное множество различных воззрений кто-то сказал: а причём тут вообще Бог и небо с солнцем?

9. На его вопрос я могу ответить лишь следующее: как прекрасно небо в очах страдающего тела!

10. Когда я думал о воинской славе, я столкнулся с жестокостью и бесчестием воинов; когда я желал свободы, я оказался в глубинах пустыни, где выжить практически невозможно; когда я наконец нашёл дом, в котором мне разрешили жить, я упал с его крыши таким образом, что уж лучше я оставался бы в пустыне.

11. Как бы я хотел родиться назад! ибо неизвестно, встану я или не встану, но должен встать, схожу сам в туалет или не схожу, но должен, поем сам кашу или не поем, но должен, смогу ли победить болезнь и отблагодарить хозяйку и Офшию, но обязан это сделать.

12. *Милосердие* не забыло обо мне, и мне не выкололи глаза, когда в свои восемнадцать лет хотел совершить побег. *Сила* посетила меня, и я одолел Каджихия и его надзирателей. *Спасение* снизошло ко мне, и я вывел рабов с корабля и победил надсмотрщиков. *Спасение* и *сила* посетили меня, и я выжил в пустыне и нашёл приют.

13. Теперь же я вижу, насколько прекрасны качающиеся верхушки деревьев и небо, на которое смотрит из окна моё немощное тело. Небо – это свет в конце мрачного туннеля подземелий, которого ты должен достигнуть и при этом не скатиться назад.

14. Не падает лишь тот, кто соблюдает заповеди пути на небо.

15. Каждый человек в той или иной степени знает эти заповеди, отчасти помогающие и самому не страдать и не причинять страдания другим, однако мало кто хочет их исполнять, возможно, по той причине, что человек часто не желает слушать самого себя, скрывающе-

гося в глубинах его бытия. В данный момент – в моём нелёгком положении для меня эти заповеди таковы:

16. когда тебе плохо – не думай ни о чём, так как если станешь думать, к тебе невольно придут мысли о том, что тебе плохо;

17. не осуждай никого, а если осуждаешь, то немедленно прекрати свою мыслительную деятельность. Ведь как мы можем осуждать других за то, что они творят злые дела против Бога, если мы сами творим эти дела?

19. будь свободен от своих мыслей, особенно от суетных и злых, поскольку именно в них корень изуродованного мироздания;

20. не свирепствуй и не обижайся, когда над твоими замыслами насмеются, а просто не делись ими с теми, кто посмеётся над тобой. Ведь сам подумай, как смешны твои замыслы по сравнению с замыслами Творца! и если над Его замыслами смеются, то что говорить о твоих?

21. не падай, а раз упал, вставай и продолжай свой путь;

22. должен сделать – сделай, должен встать – вставай, должен идти – иди.

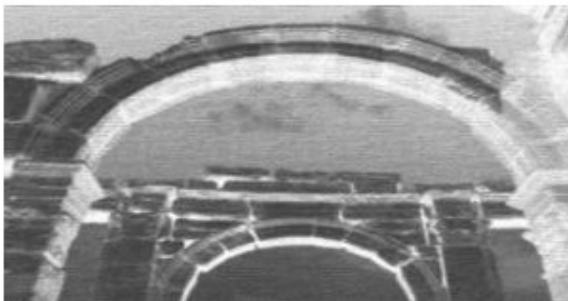
23. Смысл существования вселенной наделил тебя волей, чтобы ты самостоятельно мог выбрать себе путь и придерживаться его. Выбрать – не означает проложить, ибо самому человеку это не под силу: ты можешь лишь выбрать между путями истинным и ложным, но ты не можешь сам их проложить и, более того, тебе не дано себя по ним вести.

24. Грех и болезнь – две грани одного целого. Так надо ли совершать грех?

25. В своей жизни я пострадал за то, что по моей вине страдал мой друг Коре Ар-Фаи и другие невольники. Любое страдание – это зло, и если я враг злу, то я должен встать и начать искоренять в этом мире страдание. Довольно падшим богам властвовать надо мной и над другими узниками тяжёлой судьбы!

26. *Веру* во что-то светлое и воинский дух в борьбе с падшими богами недавно укрепил во мне *вестник*⁶, который явился мне в видении и сказал: «Поднявшись, преодолевая тяготы и болезни, освободи из плена своё ребро (грань, близкую сердцу). Скачи с ним в даль не оглядываясь, не заботясь об ушедших временах. И пусть свет осветит твою дорогу как днём, так и тёмной ночью».

27. Услышав это, умом я не понял, о чём говорил вестник и что именно он имел в виду, однако внутренне я почувствовал, что именно таким образом и должен поступить в жизни. Надеюсь, когда-то мне станет ясен смысл сказанного.

⁶ Аменасам.

Глава 4: Приход

1. Как-то к дому Элибьи подъехали пятеро посланных аль-Шиитом наездников. Увидев их, хозяйка сильно разволновалась, предчувствуя что-то недоброе, но усилием воли ей удалось хорошо скрыть свои эмоции, и она спокойным шагом с приветливой улыбкой вышла на порог.

2. Наездники же в противоположность оказались весьма неучтивыми и, даже не поздоровавшись, один из них в довольно грубой форме сообщил, что им приказано забрать Офшию. Мать в ответ молча встала и растерянно на них смотрела. Она боролась с волнением и своей беспомощностью до тех пор, пока её дочь не вышла и сама твёрдо не заявила, что сейчас не может покинуть дом, и если аль-Шиит её действительно любит, то пусть приезжает собственноручно, чтобы помочь ей с жизненными трудностями. Однако это не подействовало: незваные гости настойчиво дали знать, что им приказано во что бы то ни стало забрать её, а любого, кто встанет на их пути – убить. После этого один из наездников, ехидно улыбнувшись, спросил: «Так кто же тебе мешает уехать? Мать или, может, кто-то ещё?» Женщины испуганно переглянулись, и Офшия поняла, что сейчас ей придётся подчиниться и уехать с воинами шаха, а матери остаться одной с множеством домашних проблем и больным Сиравном.

3. Так всё и произошло. Когда сарацин увидел бледную и расстроенную Элибью и обо всём догадался, он сильно опечалился и пробормотал: «Теперь меня вообще ничто не радует, и я по-прежнему лежу как никчёмное бревно».

4. С тех пор его сознание окончательно помутнилось, однако в этом явлении присутствовали не только отрицательные моменты. Сарацин постоянно впадал в глубокую ярость и что-то говорил себе под нос. Вместе с этим мысленно он представлял себя здоровым, как он бежит по широкому полю, как двигает ногами, руками, а потом – как сражается со злодеями, забравшими Офшию. От одной лишь мысли о них его охватывал гнев, и тогда он изо всех сил пытался шевелить обездвиженными частями тела, но однажды его заставили это сделать совсем другие люди.

5. В то время как он по-прежнему лежал без движений и был полон отчаяния, к дому Элибьи пожаловали ещё одни странные гости, а именно – внушительного вида всадники, одетые в тёмные балахоны. Подъехав к дому, все они остались неподвижно сидеть верхом на своих конях, и лишь один из них спрыгнул и направился к двери. Увидев его, хозяйка испугалась, неуверенно пытаясь преградить путь незнакомцу, и дрожащим голосом спросила: «Кто вы, добрые люди? Что вам нужно от бедной женщины?»

6. Тот слегка отстранил её и грозно ответил: «Давай всё ценное, что есть в доме, либо умрёшь!»

7. Неподвижно лежавшему Атми Сиравну с трудом, но всё же удалось расслышать голос всадника, и от этого по его коже пробежали мурашки и одновременно объял сильный гнев. Пытаясь сохранить уверенность и подавить страх перед происходящим, он начал говорить себе: «Ох, будь я на ногах, всем бы показал, насколько страшна смерть!»

8. Внезапно слышались приближающиеся тяжёлые шаги, и уже через мгновение в комнате Атми появился один из всадников, который, не снимая длинный чёрный капюшон, принялся внимательно осматривать помещение. Следом за гостем в комнату ворвалась хозяйка. Она умоляла его уйти: «Что же ты делаешь, изверг?! Уходи немедленно! Сейчас сюда придут наездники шаха аль-Шиита, и тогда тебе несдобровать!» Но всадник не обращал на неё никакого внимания, а вместо этого продолжал ходить по комнате и приговаривал: «Где ценности?»

9. После монотонного зловещего и продолжительного повторения этой фразы Сиравн разозлился пуще прежнего и в бешенстве возгласил: «Встань я сейчас, вы обратились бы

в прах!» Повернувшись к смельчаку, широкоплечий пришелец подошёл к постели и достал свой огромный и тяжёлый меч. Хозяйка дрожащим голосом закричала: «Не надо, прошу!»

10. – «Так встань же, не можешь?» – произнёс всадник,

11. после чего сарацин от охватившего его гнева на свою беспомощность стал кричать, дёргаться и сжимать кулаки. Следом за этим поднялась его правая рука, зашевелились ноги; он сел. Его голова кружилась, будто бы он попал в водоворот, но сарацин заставил себя потянуться за саблей, что всё время лежала на полу в его комнате, почти встал, но чуть не упал.

12. Тогда всадник поддержал его одной рукой, снова уложил на кровать и сказал: «Завтра ты должен будешь пробовать встать самостоятельно. Отныне пытайся находиться в вертикальном положении каждый день». Сказав это, странный гость ещё раз осмотрел больного и покинул дом.

13. Хозяйка от изумления вытаращила глаза, затем ринулась на порог, остановила воина и чуть не плача спросила: «Кто ты, великий человек?», на что тот ответил: «Я – всадник облаков. Меня зовут Оривай».

14. – «Я отдам тебе всё, что попросишь, и вдобавок соберу еды в дорогу».

15. – «Не стоит, мать, нам ничего не нужно», – с этими словами воин ушёл, запрыгнул на своего коня и с остальными всадниками вскоре скрылся в дали, в то время как потрясённая происходящим женщина долго смотрела им вслед...

16. Дул сильный ветер. Они неслись по полям и лугам под облачным небом. Их было восемь.

17. Никто не знал, кто те воины, что мчатся туда, где случилась беда, где их помощь нужна, где недуг и зло побеждают людской дух и добро. Говорили о них лишь одно, что эти воины именуются «всадниками облаков».

Глава 5: История всадников облаков

1. Не следует называть воина достойным, если на своём пути он не испытал страдание и не преодолел множество жизненных преград. Эта глава расскажет вам о восьми избранных воинах, которые немало пострадали в жизни и даже претерпели смерть, но переждав её как временную болезнь и одержав над ней победу, пополнили собой ряды небесного воинства.

2. Когда-то в нашем мире жил некто по имени Келзофран. С рождения он был очень больным, слабым и неуверенным в себе человеком (homo). Помимо этого всю жизнь его также преследовали различные неудачи. В детстве потеряв родителей, он попал в руки злого господина Нишама, собиравшего бездомных людей и превращавшего их в рабов. Некоторым из них удавалось объединяться в крупные кланы, и поэтому Нишаму приходилось с ними считаться, а вот Келзофран был необщительным и существовал сам по себе, и посему считаться с ним никто не собирался.

3. Однажды господин по каким-то причинам сильно рассердился, и единственным, на ком ему удалось сорвать свою злость, оказался Келзофран, которому тогда было уже около тридцати лет. Слуги Нишама поступили с невольником крайне жестоко: ему отрубили ногу и бросили в яму, где он долго мучился, но всё же не пал духом.

4. Пребывая в темнице долгое время, мученик как-то посмотрел через покрытую ржавчиной решётку на небо, на проплывавшие мимо облака, и подумал о том, как его влечёт эта великая сила – небо. Он прожил несколько дней почти без еды, без воды, и тогда, будучи окровавленным, грязным и голодным, он неожиданно почувствовал покалывание в том месте, где прежде была его нога. После этого Келзофран встал; боль и голод отступили. В какой-то момент он осознал, что у него вновь были обе ноги. Несмотря на необычайность и загадочность такого явления, его это почему-то вовсе не удивило – словно всё так и должно было быть.

5. Обернувшись, узник увидел рядом с собой одетого в тёмный балахон незнакомца, говорившего ему тихим голосом: «Иди за мной... Имя моё Шеда́х. Вон там лежит твой меч и одеяние, а на улице стоит твой конь. Я пришёл, чтобы помочь тебе выбраться из ямы и уйти от твоих страданий».

6. Затем незнакомец исчез. Келзофран подошёл к месту, где лежали вещи, оделся, взял меч и выбрался из пещеры, у выхода которой его встретили стражники Нишама. Не обратив внимания на его ноги, они хотели напасть, но мученик сказал им: «Я не хочу мстить и убивать. Позвольте мне просто уйти. Нишам не узнает об этом: скажете ему, что я мёртв, а он порадуетя и забудет обо мне».

7. Однако в своих душах стражи имели столько же ненависти и жестокости, сколько имел их господин, и поэтому, не захотев ни о чём договариваться с Келзофраном, один из них ответил: «Мы всё понимаем, но ради забавы всё же отрежем тебе руку и вновь бросим подыхать в яму!» Келзофран не смог убедить упрямых стражей словами и, молниеносно достав меч из ножен, взмахнул им таким образом, что оставил на их шеях лишь маленькие и неопасные для жизни царапины. Стражи от испуга и ошеломления застыли на месте и долгое время не могли прийти в себя. Келзофрана на мгновение посетила мысль об отмщении всем своим врагам, однако усилием воли он заставил себя успокоиться и в сердце произнёс: «Мне не за что мстить врагам: моя нога на месте, и я не испытываю чувства голода после нескольких дней заточения. К тому же телесного сознания со мной больше нет, а то, что осталось, уже не осознаёт отчаяния и обиды». Так бывший страдалец покинул место заточения и больше никогда не возвращался и не вспоминал своих обидчиков.

8. Узнав обо всём случившемся, Нишам был в бешенстве от того, что его раб сбежал. Он также пребывал в сильном замешательстве, поскольку не мог понять – как безногий вообще смог сбежать из глубокой охраняемой ямы?! После всех этих неожиданных событий он от страха и для самоутверждения стал ещё более жестоко обращаться со своими подневольными, жёнами и слугами. Он стал чаще наказывать рабов – бил их, унижал, не позволял даже общаться между собой, и в конце концов дело дошло до того, что в один момент рабы не выдержали и восстали. Слуги и почти все стражи отказались продолжать служить Нишаму, хотя последний чуть ли не умолял их о поддержке. Когда же защищать господина оказалось некому, некоторые бывшие узники принялись жестоко избивать и насмехаться над ним...

9. История другого всадника облаков, Орива́я, начиналась с того, что в молодости он попал под табун бегущих лошадей и сильно пострадал. Ради столь печально обернувшейся шутки табун тогда вспугнули его товарищи примерно такого же возраста, как и он сам. Их звали Си́ркием, Косиплё́том и Сируа́ем. После их, можно сказать, подлого поступка Оривай оказался сильно искалечен, не мог ходить, была обездвижена рука, сломана шея и челюсть. Также пострадали некоторые органы. Через несколько месяцев после происшествия один местный целитель сказал, что одну руку надо срочно отрезать и Оривай никогда не сможет самостоятельно передвигаться. Как бы больной ни пытался отказываться от операции, руку сохранить ему не удалось даже несмотря на его заявление о нежелании жить.

10. В таких мучениях прошло целых два года. За всё это время калека, невзирая на то, что он не получил травм головы, из-за которых люди теряют память, логическое мышление и дар речи, так и не выдал тех подлых людей, в своё время спугнувших лошадей. Родители и сестра были измучены уходом за ним, и как они ни старались, им не удавалось скрыть тот факт, что Оривай стал им обузой. Калека же чувствовал их отношение к себе и страдал от своей беспомощности ещё больше, но однажды, в очередной раз подумав об этом, он заявил: «Я скоро уйду в заоблачную армию. Вот мой меч и одеяние, а коня возьму из того табуна, что топтал меня».

11. Мать и отец очень удивились – ведь на полу рядом с их сыном и вправду лежал меч, тёмный балахон и сапоги, и спросили его: «Откуда взялись эти вещи?», на что сын ответил: «С облаков». Поначалу родители решили, что он шутит, однако в предобеденное время следующего дня мать вдруг услышала странный шорох, будто кто-то собирался. Она поторопилась в комнату к сыну и не увидела его в постели. Некоторое время она пребывала в замешательстве, но затем, услышав ржанье коня, вышла на улицу и увидела вооружённого длинным тяжёлым мечом и одетого в тёмный балахон Оривая, сидящего на высоком вороном коне. Она заплакала и дрожащим голосом воскликнула: «Так ты говорил правду, а мы не верили!» Из-под капюшона было видно, как Оривай улыбнулся. Затем он попрощался с семьёй и помчался в поле, где его ждали Шедах, Келэофран и другие всадники облаков...

12. Те люди, которые спугнули табун лошадей, уже давно не помнили эту историю и человека, по их вине ставшего калекой. Оривай же помнил обо всём, но внезапно ему захотелось забыть все обиды и невзгоды, и он забыл, и на этом, собственно говоря, его история мученичества и закончилась.

13. В качестве послесловия здесь стоит сказать, что Оривай сделал невозможное почти ни для кого – забыл свою боль и простил, в чём и заключался простой секрет силы воли и разума, сделавший Оривая всадником облаков, будучи которым, он всегда стремился помогать таким же немощным людям, каким был когда-то он сам. Оривай помогал калекам и больным, оказавшимся в безвыходном положении, многих исцелял, а некоторым даровал смиренную и безболезненную смерть.

14. История ещё одного всадника облаков, имя которому Тостомтериффаина́се, была не менее загадочной и поучительной. В те времена, когда он был невезучим человеком и его часто охватывали гнев и раздражение, его звали Тери́ффаи́ном. Страдая различными заболеваниями, Тери́ффаин из-за этого порой плохо соображал и вызывал у людей отрицательные эмоции: его презирали, не любили, называли убогим и глупым. Он часто раздражался, впадал из-за своих немощей в отчаяние и не мог смириться с тем, что люди бывают жестокими и не понимают всех его трудностей.

15. Однако потом Тери́ффаин понял, что если бы они не имели множества своих собственных проблем, они не стали бы так поступать, и если бы им лучше удавалось контролировать своими эмоциями, они стали бы сдержаннее и правильнее, но это скорей не их вина. Подобные мысли, которые помогли ему простить всех и не держать ни на кого зла, заставили его забыть обо всём плохом – о несправедливости, невзгодах, неудачах и бедах, а однажды, когда лил сильный дождь, Тери́ффаин вышел в чистое поле позаниматься древним боевым искусством – поделать движения, несущие целебное действие и при этом помогающие контролировать своими *чувствами, мыслями и телом*, от необузданности *которых* в нашей жизни происходит много зла. Пытаясь управлять различными видами энергий, помимо того, что Тери́ффаин исцелился, он ещё приобрёл силу, как у льва, и скорость, как у змеи. Так древнее боевое искусство, можно сказать, помогло ему окрепнуть, разобраться с самим собой и, можно сказать, встать на ноги...

16. В своей дальнейшей жизни Тери́ффаин стал помогать немощным и обиженным на судьбу людям, а однажды, когда его земной путь уже заканчивался, на своей дороге он нашёл тёмный балахон и лежавший возле него меч, мистическим образом позволивший ему понять, что эти вещи предназначены для него. Немногим позже посреди поля Тостомтериффаина́се встретил коня, подошёл к нему, оседлал и умчался вдаль – далеко-далеко от неудач, болезней, страдания, суеты и раздражения: от всех телесных и душевных недугов, мучивших его на протяжении жизни.

17. Эта была история лишь некоторых всадников облаков. Истории остальных никому неведомы, утеряны и забыты. Но можно полагать, иные древние всадники заслуживают уважения не меньшего и не большего, нежели вышеописанные. Вот, к примеру, один из них,

имя которому Коррюминосфэгнэ, всегда помогал слепым и людям с серьёзными ожогами и уродствами. Почему? Может, он когда-то был похож на них?

18. Вот, что Шедах сказал в утешение одного злого и несчастливого человека: «Страдание – зло; но за любое страдание полагается награда.

19. А иногда боль – единственное, что может спасти – как рана, через которую выходит кровь при высоком давлении: если раны не было бы, ты мог бы тяжело заболеть и умереть, но имея её, ты спасаешься».

Глава 6: Исцеление

1. Сиравн стал тренироваться вставать с постели каждый день. Заставляя себя не думать обо всех трудностях и невзгодах, он усердно учился сидеть, что-то делать руками и даже рисовать; отныне самостоятельно ел, до туалета доходил теперь тоже без посторонней помощи; самостоятельно мочил в свежей воде длинную тряпку и протирал себе спину, от чего ему сразу становилось легче. Также он много пил живительной воды, и она помогала ему в борьбе с недугами.

2. В таком духе прошло около двух месяцев. Атми уже выполнял небольшие поручения хозяйки по дому – подметал пол, мыл посуду и даже ходил за водой. Вместе с тем он взял на себя обязанность собирать в корзину ягоды с кустов. По утрам он выходил в поле и занимался общими оздоровительными упражнениями, а вечерами в скором времени приступил к боевым тренировкам с саблей и без неё: он устраивал бои с тенью, отрабатывал известные ему движения и придумывал новые. Ему даже удалось создать своё собственное боевое искусство, которое в дальнейшем он назвал «летать как птица, освобождая себя от мыслей». Хозяйка Элибья понимала, что сарацин ещё очень слаб, но его душевный подъём по причине выздоровления повлёк за собой бурную творческую деятельность и стремление к активной жизни.

3. Атми старался усердно помогать хозяйке, так как хотел хоть как-то отблагодарить её за доброту, помощь и уход за ним, когда он был прикован к постели...

4. Однажды, выполнив все просьбы Элибьи, он лежал на своей кровати и отдыхал, в то время как хозяйка готовила обед. Вдруг во дворе раздался какой-то шум и крик: «Изверги! Зачем же вы мой котёл перевернули?!» В ответ послышалось: «Заткнись! а то мы тебе голову вместо котла перевернём! Неси свои драгоценности!» Услышав это, Сиравн без промедления вскочил. Он сунул саблю за пояс и вышел на крыльцо, где тихо и грозно произнёс: «У меня требуйте». После зловещего молчания разбойники стали медленно приближаться к крыльцу, на котором стоял Атми.

5. – «Не ты ли ещё совсем недавно был калекой и не выходил из дома много месяцев? Хочешь опять вспомнить эти славные времена?!» – насмехался один из разбойников.

6. – «Атми, вернись назад, – нервничала хозяйка, – Я сама разберусь!»

7. Один из трёх разбойников, что в плечах был шире остальных, резко вытащил свою саблю и угрожающе проговорил: «Раз уж так, то смотри не упади в обморок, прежде чем я до тебя дотронусь, сурок!» Двое других вслед за своим главарём также схватились за оружие и направились в сторону Атми, который поначалу немного растерялся, так как длительное время ему не приходилось ни с кем сражаться, но потом, всё-таки взяв себя в руки, медленно достал из-за пояса саблю и вышел вперёд. Смело схватившись с противниками, он пытался выстроить их в один ряд таким образом, чтобы они не могли его окружить. Одного врага он ранил в ногу, но сразу после этого и сам получил небольшое ранение в левую руку. Вскоре ему удалось вывести из равновесия и уронить самого крупного противника, а затем, увернувшись от очередного удара, схватить одного из разбойников за руку, вывихнуть её, зарубить ещё двоих, а в следующий миг уложить и последнего из них.

8. В конце битвы сарацин немного постоял в раздумье, а затем тихим голосом проговорил: «Я бы помиловал их, если бы наверняка знал, что сильнее их и они не представляют для меня угрозы». Но потом ему в голову пришла мысль, что подлые люди и без оружия опасны, и на этом его совесть успокоилась.

9. С этого дня Атми продолжил развивать свои боевые навыки с удвоенным усердием, при этом не забывая выполнять работы по дому. Ему нравилось помогать хозяйке, тренироваться и жить в этом уютном деревянном домике, правда, в глубине его души порой возникало какое-то странное чувство, присущее некоторым сарацинам. Оно походило на желание странствовать по неизведанным землям, но всё же этими словами его нельзя полностью описать, поскольку это трудно сделать на иных языках, нежели на сарацинском.

10. Атми часто задумывался над своим чувством, но при этом он и знать не знал, что некие силы ведут его той дорогой, по которой давным-давно шёл его праотец Эормир, и что пророчество Спантадвары о странствующем *полуэрорумизре* сбывается.

Глава 7: Чувство сарацина побеждает

1. Стоял тёплый день. Над пожелтевшим полынным полем по небу медленно плыли озарённые ярким солнцем облака, отбрасывая блуждающие тени на землю, а под облаками в небесной высоте парили соколы. Атми позанимался своим боевым искусством, выполнил по дому все необходимые дела, а после обеда удивил хозяйку следующим заявлением: «Меня гнетёт одно чувство: я ведь сарацин, и поэтому не могу долго жить в одном месте. Мне надо отправляться в путь». Хозяйка возмущённо спросила: «Куда же ты собираешься пойти?»

2. – «Не знаю. Мне не столько важно куда, сколько нужно просто идти. Я не собираюсь заниматься тем, чем занимается большая часть моего племени – не собираюсь разбойничать. Пусть я всю жизнь находился рядом с ними, однако чувства и миропонимание почему-то сложились у нас по-разному. Возможно, я стану сражаться с разбойниками и искать твою дочь, забранную аль-Шиитом вопреки её желанию».

3. – «Ты очень глуп, Атми, хотя уже всего натерпелся, – отвечала Элибья, – Искать встречи с аль-Шиитом – значит желать себе смерти».

4. – «Сарацины всегда искали смерть, так как им часто надоедало скитаться в этом мире по знойной пустыне порой без еды и воды. Такова и моя природа. Пусть родом я из северных земель, но всё же я – сарацин!»

5. С этими словами, взяв пищу, которую хозяйка быстро собрала ему в дорогу, и поблагодарив её за это, он ушёл, а Элибья по-прежнему стояла возле порога своего дома, смотрела ему вслед и думала: «Не нужны нам ни богатства, ни дворцы. Лучше бы он всё-таки обхитрил коварного аль-Шиита и нашёл мою дочь».

6. Так сарацин отправился в странствие и брёл вначале по пустыне, а затем по долинам и лугам много дней. Когда становилось совсем жарко, спасаясь от безжалостного солнца, он обвязывал вокруг головы и лица чалму, а ближе к ночи уходил с открытого холодного пустынного пространства в дюны и искал место, где можно заночевать.

7. Спустя два дня после прощания с Элибьей на его пути повстречался дом, на пороге которого лежал мёртвый старик. Сиравн настороженно приблизился и задумался над причиной смерти этого человека, однако пока он гадал и делал предположения, всё прояснилось само собой. В скорый момент из дома вышли четверо вооружённых саблями воинов и, заметив незнакомца, направились в его сторону. Один из них сказал: «А ты что здесь забыл, шакал? Придётся взять тебя в рабство к Кишифу! А ну иди сюда!» Сарацин настороженно подошёл к разбойникам и молча встал перед ними.

8. – «Кто ты такой? Что здесь делаешь?» – задали ему вопрос.

– «Я – сарацин. Сбежал от своего предводителя, чтобы быть свободным и помогать людям. А вы кто такие, и что здесь делаете?»

– «Ты – шакал! И вопросы не тебе́ здесь задавать!»

9. После этих слов на порог медленно вразвалку вышел и сам Кишиф – их главарь – черноволосый высокий человек с узкими, равнодушными и бесчувственными глазами. При виде сарацина его взгляд стал злым, и он спросил своих людей: «Кто это?» Те ответили: «Бродяга, на своё несчастье забредший в эти земли». Затем Кишиф спросил самого Атми: «Зачем ты пришёл сюда? Знаешь ли ты, кто я такой?» Сарацин напряжённо ответил: «Я случайно проходил мимо, и если можно, пойду дальше. Но прежде этого всё же хотел узнать, почему этот человек мёртв?»

10. – «Ты кому вопрос задаешь, собака?!» – с остервенением произнеся это, один из воинов Кишифа стал доставать оружие; однако Сиравн опередил его и так быстро вытащил свою саблю, что прежде чем враг пошевелился, успел полоснуть его по горлу, а его саблей порезать голову другому воину. Сарацин действовал быстро и убил сначала всех рядовых разбойников, а затем и самого Кишифа, который напал на него последним.

11. Убедившись, что враги больше не дышат, Атми обтёр об одежду мёртвых свою саблю, сунул её за пояс и произнёс: «Лучше бы вы сразу позволили мне удалиться», а затем подошёл к старику, лежавшему на пороге дома, и лишний раз убедился, что и он не дышит.

12. Стояла жара, небо было безоблачным. Воин пустыни осмотрелся, понял, что погода подходящая для дальнего пути, и покинул место драки. Он странствовал ещё много дней: шёл через реки Тартар и Хиддекель, через город Эль-Мафсил, а рядом с горами Марунис встретил одного старого путника и спросил его: «Где живёт шах аль-Шиит?» Дед посмотрел на него с сочувствием и ответил: «В нашей земле остался лишь его отец, а сам шах уехал далеко-далеко на север».

13. – «Насколько далеко и куда именно?» – забеспокоился сарацин.

– «В те места можно добраться только на коне. Если следовать самому короткому пути, то это в ту сторону. Там надо будет пройти две горы, которые стоят за этим огромным полем, а затем идти вдоль большого горного хребта, по окончании которого ты окажешься у озера Ур. Иди прямо вдоль него, а когда оно закончится, пройди ещё примерно пятнадцать тысяч набов⁷ на север, и тогда окажешься у дворца аль-Шиита. И всё же без коня тебе не добраться, путник».

14. – «Не волнуйся, отец: я – сарацин, но тем не менее всю жизнь привык ходить без верблюда и коня. Благодарю за помощь», – Сиравн попрощался и шёл более десяти дней в направлении, указанном дедом, точно не зная, верно ли он держит путь. Шёл на север – по горам, по полю, мимо озера Ур. Расспрашивая таких же одиноких путников, как и он сам, о том, где следует разыскивать шаха, в конечном итоге сарацин вышел ко дворцу, величественно возвышающемуся над местностью на невысоком взгорке. Постояв и внимательно рассмотрев его, Сиравн решил пройтись по округе и поспрашивать местное население об их шахе, законах и вообще обо всём, что могло бы помочь ему отыскать и спасти Офшии.

15. Люди, жившие по соседству с дворцом, оказались приветливыми и весёлыми, правда, многие из них жаловались на то, что шахские войска слишком жестокие, несправедливые и высокомерные...

16. Через некоторый промежуток времени Сиравн нашёл себе приют и поселился в доме одного земледельца, стал помогать ему вести хозяйство и выполнял различные поручения, а взамен получил кров и еду. Как-то в разговоре с хозяином сарацин пообещал разобратся с правителем этой земли и его жестокими воинами, на которых жаловались люди; однако земледелец весьма удивился этим словам и спросил: «Как ты нам можешь помочь, когда у нашего правителя сильная и хорошо вооружённая армия?»

⁷ Наб (с 11-го века ещё называется касаб или «сажень Хакими») – мера длины в мусульманских странах. В 11-ом веке н.э. она составляла 3,99 м, но в те стародавние времена могла иметь несколько другое неизвестное нам сейчас значение.

17. Атми на какое-то время призадумался, а затем решил раскрыть ему свои намерения: «Я украду у шаха невесту, и все воины погонятся за мной. В пути же я их либо убью, либо заведу в те земли, откуда они не смогут вернуться».

18. Земледелец посмеялся над безумным планом, ответил: «Ладно, великий герой и выдумщик, пойду я работать, и тебе советую», – и ушёл, а Сиравн тем временем поторопился выполнить все его поручения и после этого отправился исследовать окрестности.

19. Приблизившись ко дворцу, он каким-то интуитивным образом догадался, что обитель шаха и его жёны находятся на втором этаже. Тогда чуть позже тем же вечером он залез по стене на второй этаж так незаметно, что его никто не обнаружил. Наверху его ожидала приятная новость. Заглянув в помещение, он увидел Офшию и не сразу поверил своим глазам. Она сидела одна, и её лицо было печальным. Когда сарацин тихо позвал её, девушка от неожиданности вскрикнула и бросилась к нему. Радости было хоть отбавляй.

20. – «Как ты здесь оказался? Смотрю, ты полностью исцелился: а я ведь верила в тебя!» – громко произнесла Офшия. Они обнялись, после чего Сиравн попросил её говорить потише, так как их могут услышать, и, дабы не тратить драгоценное время, хотел было сразу начать разговор о побеге, но в итоге, запнувшись, спросил: «Завтра вечером... Ну так скажи, как тебе живётся с шахом?»

21. – «Он человек не добрый и пользуется мною как вещью. Я рассказывала ему о тебе и о том, что моя мама не может в одиночку справляться с домашними проблемами и одновременно ухаживать за тобой, но он даже не хотел слушать. Кроме меня у него ещё семьдесят жён, и я у него, к счастью, для коллекции. Он даже не успел до меня добраться, но всё же не горит желанием отпускать домой. А что ты хотел сказать про завтрашний вечер?»

22. – «Значит, твоё желание остаться здесь неизмеримо мало. Так давай завтра вечером уедем из этого места. Я найду коня, как и сегодня зайду за тобой, вернее, залезу, и мы вместе учимся отсюда далеко-далеко».

– «Ты что, обезумел?! Где ты возьмёшь коня? А впрочем, пусть будет так. Мне это нравится».

– «Вот и хорошо, до завтра».

23. Сарацин на прощанье улыбнулся, спустился через окно вниз и снова вернулся в дом своего хозяина; но перед этим вдалеке на севере увидел реку и уже начал обдумывать план побега.

24. Когда сарацин лёг спать, ему постоянно представлялся образ Офшии, и его наполняли мысли о том, как хорошо, что ему удалось найти её – ведь об этом он мечтал ещё с тех пор, как неподвижно лежал на кровати и как обещал её матери спасти её.

25. В своих мечтаниях он обещал это и самой узнице шаха, хотя она, конечно, этого знать не могла.

26. Офшия, как и Атми, этой ночью тоже плохо спала и как будто с первой же минуты ждала топот копыт и тихий голос: «Я уже здесь».

Глава 8: Побег

1. На следующий день Атми Сиравну не удалось найти дикого коня, чтобы приручить и использовать для побега. Однако это совсем даже не помешало ему полезть по стене на второй этаж дворца за своей подругой, которую на сей раз он застал с аль-Шиитом. По какой-то причине шах решил провести свою невесту именно в этот день, вечер и час, когда Сиравн висел на карнизе, а внизу разгуливали два стража, по чистой случайности не обратившие внимания на то, что происходило над их головами.

2. Находясь в столь неловком положении, Сиравн хотел было выругаться, но благо он вовремя понял, что лучше от этого не станет, и сдержал себя. Ему оставалось лишь ждать,

пока шах покинет помещение, однако тот вовсе не собирался уходить, а вместо этого произнёс: «Сегодня ночью ты станешь моей полноправной женой. Гордишься этим?»

3. В этот момент сарацин понял всю сложность данной ситуации, ибо ночь уже практически наступила. На его счастье из стены выступал обломанный кусок камня. Он расшатал его, вынул и бросил внутрь помещения так далеко, что докинул до выхода. Шах и его невеста вздрогнули. «Кто там?!» – возмущённо воскликнул аль-Шиит и, позвав стражей, направился к выходу.

4. Тем временем сарацин окликнул Офшию. Она оказалась очень рада появлению своего спасителя и хотела было о чём-то поговорить с ним, но он строго предупредил её, что на это у них совсем нет времени, а затем помог ей быстрым способом спуститься вниз и под раздававшиеся сверху крики: «паршивая девчонка! как тебя там звать, не знаю» побежал с ней прочь.

5. – «Этот негодяй даже забыл моё имя! – на бегу ругалась Офшия, после чего, немного задумавшись, испуганно спросила, – Слушай, а ты приготовил коня, на котором мы убежим?» Пытаясь скрыть свою растерянность, более-менее твёрдым голосом Сиравн ответил: «Не бойся. У меня всё продумано». Они принялись бегать около дворца кругами, и лишь преодолев немалое расстояние, случайно оказались у конюшни, которая также по чистой случайности не охранялась. Там Сиравн посадил девушку на лошадь и запрыгнул сам, после чего они помчались прочь от дворца.

6. В пути их посетило радостное чувство свободы, правда, уже по прошествии небольшого промежутка времени оно сменилось гнетущим чувством преследования. Послышался приближающийся топот копыт. Так как наступившая ночь оказалась безлунной и очень тёмной, гнавшиеся за ними воины не могли стрелять из лука по той причине, что в темноте не видели своей цели, а их несколько попыток оказались неудачными – попасть в мишень они не могли даже с близкого расстояния. Лошадь сарацина бежала быстро и долго, в то время как *воины шаха* ещё находились далеко позади них, и определить точное местонахождение преследуемых беглецов в столь поздний час являлось для *них* серьёзной проблемой...

7. Прошло несколько часов. Примерно в середине ночи путники добрались до большого озера, где они остановились и улеглись спать на песчаном берегу возле раскидистого куста. Офшия тут же провалилась, а осмотнительный сарацин, ради их безопасности пытаясь перебороть нахлынувшую сонливость, ещё изредка поглядывал по сторонам. Они спали почти половину суток – до тех пор, пока солнце не стало слишком жарким и пока Атми не разбудил надвигающийся шум, топот и крики: «Вот они!»

8. Несмотря на то, что у беглецов получилось скрыться и, казалось бы, довольно надёжно спрятаться в дали от дворца аль-Шиита, опытным в воинских делах преследователям всё же удалось их найти. По приближении два нападавших всадника достали луки, двое других – сабли. Сиравн еле успел вовремя сориентироваться и метнуть свою саблю в одного из лучников, а затем ринуться к нему, пока остальные враги не успели подступить. Второй лучник тут же выстрелил, но промахнулся. Сиравн выхватил лук и стрелу у пронзённого лучника и выстрелил в другого – тот упал замертво. Когда сзади к нему подбежали двое всадников, сарацин выронил лук, но успел вынуть свою саблю из груди умершего, с другой стороны запрыгнуть на коня мёртвого лучника и полоснуть саблей нападавшего. Тот упал. Сиравн сразился с последним противником и победил, а в следующий миг прикончил прежде недобитого наездника.

9. Офшия протирала глаза и думала – не снится ли ей это? Тут она воскликнула: «Сарацин! ты когда научился так драться?»

10. Отдышавшись и придя в себя, он начал что-то вспоминать и ответил: «Всю жизнь учился: в пустыне, странствуя с другими сарацинами, и когда лежал на кровати беспомощ-

ным. А потом, когда ты уехала, я встал на ноги и смог тренироваться на поле перед домом твоей матери».

– «Великолепно! Теперь-то я чувствую себя в безопасности».

– «Думаю, другие воины потеряли нас и вообще заблудились, но всё же нам лучше уйти отсюда».

11. Офшия спросила: «И куда же ты теперь собираешься идти?»

– «В дальнейшем собираюсь отправиться на север, но прежде верну тебя твоей матери, так как обещал это сделать».

– «Обещал, говоришь... А может, ты обещал просто спасти меня? Я хочу путешествовать вместе с тобой и хочу понять, как ты смог преодолеть такую страшную болезнь и, помимо всего прочего, научиться столь умело сражаться?!»

12. – «Благодаря тебе и твоей матери я не сгнил заживо, а моя сабля вновь обагрена кровью врагов».

13. – «Если бы не наша дурацкая крыша, – немного смутившись, ответила Офшия, – то ничего бы и не произошло».

– «Ладно уж. Теперь нам надо думать, что делать дальше. Всё-таки мне следует вернуть тебя домой. Ведь я – странник, и привык бродить один. Тебе со мной не по пути».

14. – «Ты меня гонишь?!» – обиженно возмутилась Офшия.

– «Нет. Просто предупреждаю и волнуюсь о твоей матери».

– «Когда она почувствует, что мне хорошо, то и ей станет хорошо; а мне хорошо с тобой».

15. – «Надеюсь, – вздохнув, произнёс Атми, – ты будешь так думать и впредь».

16. В это время Элибья стояла на пороге своего дома и смотрела вдаль. Её взгляд выражал сильное волнение, мучившее её несколько последних дней. Неожиданно она увидела, как вдалеке конь с сидящим на нём всадником сделал посреди поля свечу, а после этого умчался вдаль.

17. Женщина узнала в том воине всадника облаков и словно сердцем почувствовала, что сия свеча являлась знамением победы, говорившим ей о благополучии её дочери и сарацина. После того как душа хозяйки успокоилась, она зашла в дом и ненароком посмотрела на крышу: ведь она совсем и не заметила, как сарацин починил её прямо перед самым отъездом: теперь уж ни одна капля не упадёт с потолка.

Глава 9: Поход к Поперечным горам

1. Сарацин и Офшия обогнули верхом на лошади озеро с восточной стороны и направились на север. Их путь лежал через долину реки Ахайр, обширные, неведомые доселе

леса, где произрастали вековые дубы, секвойи, буки и кедры, бесплодную гористую местность и луга, покрытые колокольчиками, зверобоем и клевером.

2. В дороге Офшия часто беспокоилась о своей оставленной в одиночестве и неведении матери – ведь та и вправду может волноваться – откуда же ей знать, где сейчас находится её дочь?!

3. – «Тоскливо мне, – печально говорила Офшия, – Как же там поживает моя мама? Буду скучать по ней и по дому».

4. – «Я же говорил, что может, тебе лучше было бы вернуться?» – предложил Сиравн неуверенным голосом.

5. – «Нет. Мы слишком далеко отъехали; и к тому же в этом случае я буду скучать по тебе и путешествиям... Но так придётся скучать по домашнему уюту и еде».

6. – «Не придётся: смотри, какой гостинец я привёз тебе от Элибьи», – сарацин достал из сумки две сладкие лепёшки, которые лежали в ней всю дорогу; одну дал спутнице, а другую принялся есть сам. Он берёт их на такой случай, так как знал, что рано или поздно его подруга загрузит о доме.

7. Несмотря на то что из-за долгого хранения хлеб немного подсох, Офшия повеселела и была удивлена: ведь эти лепёшки испекла её мать, а сарацин вёз их из очень далёких земель, чтобы порадовать её.

8. Как-то по дороге Офшия спросила своего спутника: «А почему ты выбрал путь на север?»

9. На какое-то время сарацин задумался. Он испугался, что его ответ может звучать крайне глупо, но всё же осмелился сказать правду: «Не знаю. Какие-то неведомые силы влекут меня туда».

10. Через несколько дней Атми и Офшия очутились в стране под названием Иверия, правда, которую сами местные жители часто называли Картли – в честь легендарного пра-родителя большинства здешних народов – Картлоса, потомка слепопотопного патриарха Фогармы. По прошествии ещё нескольких дней странствий путникам удалось пересечь половину восточной части этой страны и приблизиться к Поперечным горам, расположенным на севере Картли. Там на окраине леса возле невысоких гор, полностью покрытых различной растительностью, путникам повстречался одинокий странник. Понимая, что в этих местах люди попадают не часто, сарацин решил воспользоваться случаем и спросить его, поясняя слова жестами: «Добрый человек, не подскажешь – что там, на севере? Обитают ли в тех краях сарацины или бедуины, или воины эль-маядинские?»

11. По непонятной причине выражение лица незнакомца приняло слегка безумный вид. Вытаращив свои тёмно-карие глаза, он ответил: «Я ничего о них не слышал. Наверное, нет. А кто ты, если не секрет?»

12. – «Я – сарацин по имени Атми Сиравн. Пришёл из южных ас-сурийских земель, где много воевал и какое-то время был тяжело болен. А ты кто?»

13. – «Меня зовут Керави. До некоторых пор я жил на севере – в горах, со своей семьёй; но несколько дней назад бешеный маг Дежавин околдовал мою деревню и навёл на всех страшное проклятие, из-за чего вся моя семья погибла – уцелел только я один. Все жители сошли с ума и стали похожи на дэвэнов⁸. Не ходи туда, сарацин, если не желаешь зла себе и своей спутнице. Дежавин сам не знает, что наделал, ибо оказался в руках тьмы такой же жертвой, как и все остальные, но тем не менее я его вряд ли прощу, так как именно из-за его безумия я лишился самых близких мне людей!»

⁸ Дэвэны (дивы, дэвы) в зороастризме и славянской мифологии – злые существа из потустороннего мира, одни из нечистых духов.

14. – «Это печально. Но нам всё же необходимо попасть на север – за горы!» – настаивал сарацин.

15. – «Если решите идти туда, тогда знайте, – скиталец снова вытаращил глаза, и выражение его лица вновь сделалось тревожным, – у подножия *Поперечных гор* стоит небольшой каменный замок, и под ним находится подземелье. Обойдите место, где стоит этот замок, восточнее, и тогда, может быть, спасётесь. Учтите, что даже сам Мириан из рода Фарнавазидов, приёмный сын ушедшего в Дзурдукское царство Саурмага и претендент на престол третьего царя Иверии, опасается этих мест, несмотря на многочисленность своего войска. А для того чтобы его никто не осудил за страх, он и его родственники никому не рассказывают о том, что ведают о существовании подземного царства дэвэна Геку́ла: по крайней мере, мне так кажется».

16. Офшия испугалась рассказа, но сарацин воспринял его спокойно и произнёс: «Обойдём это место восточнее, и всё будет хорошо».

17. Путники попрощались с одиноким жителем Иверии и некоторое время продолжали идти на север – вдоль невысоких гор, где текли прохладные бурные реки, где с трудом пробираясь сквозь дикие заросли можжевельника и ещё каких-то растений с красивыми цветами, благоухание от которых разносилось по всей округе, они вышли к подножию относительно высокой горы, где и увидели древний замок, сложенный из серого камня. Своей необъяснимой притягательностью он манил путников, но в то же время было что-то едва уловимое, но зловещее в его облике. Сарацину и его спутнице захотелось подъехать поближе посмотреть на него. Любуясь необычной и одинокой постройкой, Офшия вдруг воскликнула: «Что это за чудо?!», и с этими словами она соскочила с лошади и побежала вперёд. Сиравн осторожно направил лошадь туда же. В скором времени девушка резко оглянулась и, будто увидев что-то ужасное за спиной сарацина, вскрикнула от испуга и как укушенная ринулась открывать притворённую дверь. Атми обернулся, но ничего не заметив, поскакал следом за ней и при этом кричал: «Стой, ты куда?» Однако к этому моменту его подруга уже скрылась внутри здания, и Сиравну пришлось оставить лошадь и побежать следом за ней. В какой-то момент он вспомнил разговор с местным жителем Керави, и тогда ему стало действительно жутко.

18. Он с трудом отворил массивную дверь, мысленно удивившись, как это удалось сделать его подруге, столь хрупкой и нежной. В помещении было темно и сыро. Сарацина окружали каменные стены. Из двух комнат и туннеля, находящегося в конце зала, веяло сыростью и холодом. Было ясно, что там – в проходе, есть ещё один выход, иначе не было бы такого сквозняка.

19. Сарацин принялся в спешке заглядывать в помещения, но никого там не обнаружив, громко позвал Офшию и отправился в тёмный проход, своим видом внушающий некую неприязнь и даже в какой-то степени панический страх. Он пребывал в сильной растерянности и видимо по этой причине не заметил, как в одной из комнат сидело нечто похожее на живого мертвеца. Оно встало со своего деревянного пыльного кресла и направилось в сторону туннеля, по которому с окликаями: «Офшия, ты куда убежала?» быстрым шагом ступал Атми. Тревога и недобрые предчувствия побуждали его кричать всё снова и снова, но несмотря на его старания, ответа до сих пор не было слышно, потому что девушка в это время металась по другим тёмным коридорам и от испуга потеряла голос. Услышав вдалеке зов сарацина, она пыталась ответить, но ответ был настолько тихим, что даже сама себя она практически не слышала.

20. Неожиданно из конца коридора донёсся ужасный рык ни то хищного животного, ни то кого пострашней. От этого Офшия чуть не упала в обморок; правда, после того, как где-то раздался звонкий удар сабли о каменную стену, она, догадавшись, кто это был, немного успокоилась...

21. Перед Сиравном стояло рычащее и размахивающее руками чудище, лишь отдалённо напоминавшее мёртвого человека. Это был дэвэн – порождение ада, избравшее путь насилия и разрушения. От удивления и испуга Сиравн махнул своей саблей перед врагом так небрежно, что случайно ударил его по стене. Существо тут же подловило момент и набросилось на него, но он во время отскочил и стал очень быстро и беспорядочно отмахиваться. Чудище побоялось приближаться, немного отступило и перед тем, как скрыться во мраке, по-бесовски прорычало: «Ты всё равно мертвец. Твоя судьба предрешена! Никто не уходил отсюда живым, а если кому и удавалось, то куда бы он ни пошёл, его везде станут преследовать неудача и смерть!»

22. Сарацину было жутко, но чтобы побороть страх, он сказал во тьму: «Не тебе это говорить!» и метнул в сторону ушедшего дэвэна саблю. По всей видимости, он не попал, а лишь только потерял оружие. Идти вслед за демоническим порождением и искать в том месте Офшию Атми не решился и вместо этого отправился в противоположную сторону. Через несколько десятков шагов к его великому удивлению и радости на пути попала лежащая девушка. Сарацин остановился, всмотрелся в её лицо, затем бросился к ней, похлопал по щекам, чтобы та очнулась, и прислушался к её дыханию.

23. – «Кто ты, нелюдь? – придя в сознание, спросила она, – Уйди! Ты меня не оберегал, и я тебя не знаю!»

– «Ты чего? Это я – сарацин, пришедший с левой стороны реки аль-Фуират, – торопливо начал объяснять Атми, – Разве ты не помнишь меня?»

24. – «Я помню, что твоя душа черна, а сердце черство как камень, но твоё время истекло! Хочу, чтобы ты ушёл навсегда и больше не использовал меня».

– «Офшия, очнись! Я ничего не понимаю, что за бред ты говоришь? Очень жаль, что ты не могла читать мои мысли в тот момент, когда люди шаха забрали тебя, – в смятении пытался отрезвить сознание подруги Сиравн, – Очнись, прошедшая со мной тяжёлый путь!»

25. – «Ты почему-то хорошо запомнился мне обездвиженным, и я прекрасно помню мои ухаживания за тобой – за тем человеком, который оказался хитрым и лживым сосудом».

– «Как ты можешь так говорить?! Я спас тебя от шаха, а прежде этого очень долго скитался по неизвестным землям в поисках тебя».

26. – «Говоришь, от шаха спас? От богатств, прислуги и дворца? А что ты дал мне взамен? При этом я в свою очередь избавила тебя от смерти, и где благодарность?»

27. Сарацин после такого находился в бешенстве, и при этом ему стало стыдно из-за воспоминаний о том, как Офшия и её мать выбивались из сил и отказывали себе во всём, ухаживая за ним, что есть намного более тяжёлый труд, нежели он сделал для Офшии. А если бы она осталась жить с шахом, то может, и вправду для неё было бы лучше?! Но подумав об этом, сарацин всё равно не отступал и защищался: «Ты сама попросила, чтобы я взял тебя с собой! И вообще, я думал, что мы с тобой друзья; пришёл сюда лишь для того, чтобы спасти тебя от злых сил, чувствуя при этом, как поджидает меня здесь смерть. Неужели ты можешь про меня такое говорить?!»

28. – «Мне достаточно того, что ты подлый, хитрый и у тебя каменное сердце!»

– «Ты либо заткнёшься, либо я тебя удушу! Мы здесь по твоей глупости, и из-за тебя мы можем вдвоём умереть!»

29. – «Так оставь меня, храбрый сарацин, иди с миром. Я полежу здесь, а ты иди и смотри, чтобы в какой-нибудь момент, увидев то страшное существо, ты вдруг не наполнил свои штаны всей своей смелостью, которую мне приходилось убирать, когда я ухаживала за тобой как дура. Прочь с глаз моих!»

30. – «Ну, дрянь, оставайся здесь и дальше!» – сарацин злобно взглянул на девушку, резко встал и ушёл, а когда устало брёл по тёмному проходу, его стало терзать множество мыслей. Он как будто начал кое о чём догадываться, но его голова так сильно разболелась,

что он не смог остановить мысленный взор на своих догадках. Правда, через какое-то время ему на ум пришла новая простая и светлая идея – вернуться за Офшией, не слушая её ругань, схватить и бежать с ней из этого подземелья куда подальше; но стоило ему лишь развернуться, как он остоленел от страха. Перед ним стояло ужасное человекообразное существо.

31. – «Ааарр! Не слушал – умри!» – издав громкие очень неприятные и пугающие звуки, бес налетел на Атми и бился с ним, используя при этом все свои inferнальные приёмы. Крики разносились по всему туннелю, и Сиравн боялся, что если здесь обитают другие нечистые силы, то они откликнутся и явятся, чтобы помочь его противнику разобраться с ним. Некоторое время единственное, что получалось у Атми в этом сражении, так это просто устоять на ногах, однако потом с помощью приёма, который он когда-то отработывал на поле перед домом Элибьи, ему удалось схватить бьющую рукообразную клешню *существа*, раскрутить *его* и ударить головой о стену. После сего Атми нанёс ещё два удара, и существо упало, правда, очень быстро очнулось и вскочило на ноги. К этому моменту сарацин уже успел удалиться от него и побежать в сторону Офшии; но когда он очутился в том месте, где она недавно лежала, и второпях осмотрелся, то нигде её не обнаружил. Окончательно растерявшись, он стал водить глазами из стороны в сторону и причитать: «Как же так... Где она? Где я? Что со мной? Чувствую свою немощность и беспомощность, а ничего поделать не могу... И при этом как же сильно кружится моя голова».

32. Атми Сиравн принялся бегать кругами, боязливо оглядываясь по сторонам. Его самочувствие было ужасным. Чуть ли не теряя сознание, он в конце концов увидел расплывчатый образ дэвэна и стоявшую рядом с ним Офшию.

– «Беги ко мне, я спасу тебя!» – в ужасе и смятении прокричал он девушке.

33. – «Себя спаси, а я лучше останусь здесь, нежели пойду с тобой!» – отвечала она.

– «Ты не понимаешь! Нас обманули, а наш разум взяли под контроль! Ты – это не ты, я – лишь частично я! Посмотри, как мы себя ведём?! Это же очевидно, что нами кто-то управляет!»

34. Вдруг рядом с Офшией появилось двое мужчин среднего возраста: один был высоким и темноволосым, другой – плотным, низкорослым и светловолосым. Тот, кто был выше, произнёс: «Он издевается над тобой, девица, и использует тебя. Что за ерунда: кто-то им, видите ли, управляет, и поэтому он позволяет себе совершать ужасные поступки! Просто в ваших отношениях ничего не ладится».

35. Офшия кивнула и ещё больше помрачнела. Затем на её лице появилась ухмылка.

36. – «Вы все под контролем тёмных сил, разве не замечаете этого? Вы слепцы, и Ашшур, Отец богов, тому свидетель!» – изо всех сил старался убедить их Атми.

– «Где ты здесь видишь Отца богов, глупец? К тому же ты всего лишь обычный грешный человек, чтобы рассуждать о Нём», – дерзко бросил светловолосый.

37. – «И вообще – Небесного Отца не существует», – зlostным голосом добавил высокий мужчина.

38. – «Видите: вы противоречите сами себе, но не осознаёте этого, ибо ваш разум порабощён тёмными силами. Сначала я не могу говорить об Отце богов, так как я – простой грешный человек, а затем вы и вовсе отрицаете Его существование! А если Его нет, то почему я не смею говорить о Нём?!»

– «Всё кончено, ты подвёл меня и всех нас, сарацин. Вот мой дом», – произнесла Офшия, исподлобья зловеще глядя на бывшего спутника.

39. Атми Сиравн отчаялся, поскольку ему было не переспорить троих порабощённых силами ада собеседников, включая Офшию. Он плюнул и дрожащим голосом сказал: «Может, я и впрямь не прав». Все мысли в его голове перемешались и стали очень мрачными. Он подошёл к людям и неуверенно встал рядом с ними. Затем, испуганно взглянув на дэвэна, судорожно помотал головой и извинился перед ним. Тот окинул его своим демо-

ническим взором и inferнальным голосом проговорил: «Мы посмотрим на тебя и решим – стоит ли прощать?»

40. После этого сарацин будто «понял, что имел очень примитивное и ошибочное мировоззрение и был не прав, споря с умными слугами дэвэна, которые сейчас окружают его».

41. Вслед за ошибочным осознанием происходящего в Сиравне поселилось зло, высасывающее у него все моральные и физические силы.

42. Рядом с ним стоял светловолосый человек. Он обнял Офшию за плечи и обратился к Атми: «Ты неправильно вёл себя, но осознал свою неправоту. Однако теперь Офшия моя, не так ли? Здесь все понимают свою неправоту⁹ и изменяются в лучшую сторону. И ты тоже изменишься, путник с юга». Сиравн боязливо кивнул. Он плохо себя чувствовал, в один момент схватился за сердце и лёг спать на полу.

43. Так закончился поход к Поперечным горам.

Глава 10: Внезапность

1. Плутая по мрачным, пропитанным трупным смрадом подземельям, Атми Сиравн долгое время ничего не ел, не пил и отощал настолько, что одежда болталась на нём как на пугале. Его сердце по-прежнему ломило, возможно, из-за того, что эти места попросту были позабыты духом всякой жизни. Он больше не боялся так сильно то ужасное существо, однако глубочайшее уныние и панические мысли по-прежнему одолевали его, поскольку всё, что он раньше принимал за истину, в его теперешнем искажённом сознании оказалось заблуждением. Его надежды и вера закончились. Для него больше не существовало Отца богов Ашшура, заменённого в этих местах на Кронтосфина¹⁰ и его служителя дэвэна, призраком скитающегося по лабиринтам преисподней. Мысли о самоубийстве полностью завладели Сиравном, и в один момент он чуть ли не плача опустился на пол и принялся бормотать: «Как же всё это противно, что окружает меня и находится во мне... Офшия оказалась гадиной, хотя в душе она вовсе не такая... Повелитель мира, услышь меня! хотя кто этот повелитель?!» В конце коридора послышалось странное шипение, напоминавшее змеиное. Некая тьма приблизилась к лежавшему сарацину и пролетела мимо него, но ничего не сказав, быстро удалилась,

2. в то время как отчаявшийся воин пустыни продолжал бормотать: «Все покинули меня, и я по-прежнему чувствую себя беспомощным бревном, каким когда-то лежал на кровати! Хочу встать, хочу сразиться с врагом и одержать победу!»

3. Вдруг слегка повеяло ветерком, и смрадное зловоние вскоре рассеялось. В этот момент в голове Сиравна, словно чей-то давно знакомый и приятный голос, прозвучало: «Так встань же, не можешь?» Из всех сил борясь со своими беспокойными мыслями, он наконец заставил себя встать и неожиданно вспомнил один приём – использовать энергию врага против него самого. На секунду он подумал о зле и о попытке дэвэна подчинить его себе, но сразу же забылся и вообще перестал думать о чём-либо.

4. Атми успокоил свой разум, душу и тело. Медленно ступая по тёмному коридору, немногим позже он встретил бесовское порождение и без особых раздумий разбежался и ударил его. Существо нагнулось, но тут же выпрямилось и со злобой закричало. Все люди, находившиеся поблизости, тут же сбежались понаблюдать за происходившим и начали шептаться, в то время как сарацин схватился с порождением нечистого один на один.

5. Офшия, вместе с другими увидев всё происходившее, моментально побледнела, из её глаз потекли слёзы, а из носа хлынула кровь. Внутренне она пыталась перебороть злую

⁹ В этом месте всё самое хорошее, что есть в людях и не только, начинает приниматься за ложь, и наоборот.

¹⁰ «Отравитель времени» – злое божество и аменасам-начало, описанный во 2-ой и 3-ей книгах О двул. огня.

составляющую своего сознания, при этом выдавливая из себя доброжелательные слова: «Сарацин, я верю в тебя! Знаю, что ты сильный и победишь эту гнусную тварь!» Затем она упала без чувств.

6. В то время как окружавшие её люди, наблюдая за поединком южного воина и дэвэна, что-то недовольно бормотали, сарацин холодно и воинственно произнёс: «А теперь познай то, чему научила меня суровая пустыня! И не только та, что лежит к югу от этих земель, но и та, что простирается в глубинах души». Он легко увернулся от очередной атаки, ловко толкнул врага, вследствие чего тот потерял равновесие, а затем, изловчившись, ударил его таким образом, что дэвэн отлетел по своей же инерции на большое расстояние, после чего Сиравн отчаянно бросился на него и принялся бить что было силы до тех пор, пока тот не обмяк.

7. Победа была за Атми. Растерянный и озверевший он подлетел к покоившейся на полу Офшии, взял её на руки и отправился искать выход. Он долго бродил по мрачным лабиринтам в поисках спасения и окончательно вымотался, в то время как бессмертный дэвэн уже давно был на ногах.

8. Когда же сарацин увидел свет в конце коридора, он устремился в его сторону и, найдя там выход, выбежал из дьявольского логова – пещеры преисподней, оказавшись у подножия горы совсем в другом месте, нежели там, где стоял мрачный замок. С Офшией на плечах он без оглядки бежал подальше от этого места и даже не заметил, как через какое-то время логово покинули ещё четыре человека.

9. – «Ааарр!!! Уничтожу всех и всё!» – бесилось порождение шеола, на части разрывая людей, не захотевших убежать от него и принимавших его слова за истину.

10. Дэвэн терзал их, драл, бросал в огонь, а они только говорили: «*Оно* на самом деле доброе и делает всё это лишь для нашего блага. В мире нет ничего прекраснее *Геку́ла*. Рассказни о Небесном Отце – лишь выдумка, мученики и святые – наши враги! Все люди – стадо баранов, но мы не такие. Убогие не заслуживают милосердия, ибо они – низы общества. То, что нами управляют *камни времени*, как сказал когда-то один глупец – это всё выдумка. Так ему было легче оправдать свои ужасные поступки и своё уродливое сознание. Ведь нет ничего прекраснее *Гекула*» – того дэвэна, который тем временем подошёл к выходу из пещеры и всмотрелся вдаль.

11. В какой-то момент, когда силы были уже на исходе, Сиравн остановился, снял девушку с плеч, присел и посмотрел на неё. Прохладный горный ветер постепенно развеивал его тревоги и пробуждал от беспамятства. Вскоре очнулась и его подруга. Заглянув ему в глаза, она тихо произнесла: «Спасибо, что спас меня. Прости, что наговорила гадостей и обидела».

12. Сиравн обнял её и, над чем-то задумавшись, ответил: «Поднявшись, преодолев тяготы и болезни, освободил из плена своё ребро (грань, близкую сердцу). Мчался с ним в даль не оглядываясь, не заботясь об ушедшем, в то время как свет падал на дорогу как днём, так и тёмной ночью: вестник Отца богов Ашшура именно так и говорил...»

13. Пусть у нас теперь нет коня, но мы совершили подвиг, казавшийся местному жителю Керави невозможным – выбрались из дэвэнского логова!»

14. Как только Атми Сиравн договорил последнее слово, послышался приближающийся топот копыт. Неподдалёку от них показалась лошадь – та самая, на которой они сюда и пришли. Странники сильно удивились: им представлялось, будто её в это место кто-то прислал, но на самом деле она явилась сюда сама по себе.

15. Офшия восторгалась и говорила: «Какая хорошая лошадь! Давай назовём её Фиорэлью». После этого путники, запрыгнув на неё, помчались прочь от этих проклятых мест.

16. Они были сильно измотаны, и на хорошие чувства у них не оставалось сил; однако свежий горный ветер, унося всё плохое в неизвестность, навевал радость и спокойствие.

17. Так странники пересекли Поперечные горы.

Глава 11: Рукопись Офшии

1. После мрачных событий, случившихся с сарацином и его спутницей в подземельях, прошло два дня. Как-то вечером попросив у своего друга бумагу, Офшия уединилась, села на берегу реки под названием *Песок* и стала записывать свои мысли:

2. «Уныние заставляет летящих падать, стоящих прислоняться к стене, прислонившихся к стене садиться, сидящих ложиться, а лежащих проваливаться в яму. Уныние – зло, но именно оно делает из своих жертв подвижников, которым ничто, кроме как само уныние, не делает великую славу.

3. Всё на нашей земле очень быстро рождается и разрушается; и славен среди людей не тот, кто сохранил своё тленное тело не растленным, а кто победил его и подчинил духу. Тот, кто победил его, стал выше его и уподобился небесному вестнику, о котором мне рассказал сарацин.

4. Устами того, кто призывает всех к мнимой свободе и распушенности, говорит ложь – такая же, какая исходила от дэвэна, который околдовал мой разум и говорил в моём сознании: «Здесь тебя ждут неизведанные радости, здесь ты обретёшь свободу и власть». Однако сладко изречённое оказалось полной противоположностью происходившему на самом деле. Мы с Атми возненавидели друг друга, нами управляли *тёмные силы*, и мы потеряли свободу и чуть не лишились жизни во всех смыслах этого слова.

5. Недавно я поняла, что всё исходящее от Духа жизни является сущей правдой, а всё остальное есть суэта, бессмысленные заботы, мирская гордыня.

6. Чтобы отличить *духовную* связь между людьми от *телесной*, хочу привести один пример. Бывает, что люди внешне кажутся одинаковыми, сходятся во мнениях и хорошо друг к другу относятся. Однако это продолжается лишь до тех пор, пока с внешне похожим на тебя человеком ты не окажешься в трудном положении, способном заставить тебя разочароваться в том, кто прежде в твоих глазах казался идеалом, но теперь подвёл тебя и бросил.

7. Недавно же я поняла, что нашла человека, может, по складу ума и не похожего на меня, но по крайней мере не способного бросить в беде.

8. Причиной помрачения твоего разума может стать что угодно – необузданный страх, болезнь, отчаяние, ненасытность и любой другой порок или скорбь. В подземельях того замка я почувствовала безысходность и страх, и когда ко мне подошёл сарацин, моя кровь вскипела, и я захотела выплеснуть на него всё самое плохое, и разозлилась ещё больше, и видела, как разозлился он. Но сейчас я понимаю, насколько подлыми и хитрыми оказались силы, пытавшиеся завладеть нашим разумом и разлучавшие нас колдовством. И главная их хитрость заключалась в том, что я не верила в их власть надо мной; и во всём зле обвиняла Атми, хотя сейчас даже и не понимаю, в чём же он мог оказаться виновен?

9. Теперь я знаю, что вражеские силы могут владеть нами, и даже ведаю о том, каким способом они это делают. Колдовство способно развести людей, причём они во всём будут винить друг друга и даже не подумают обвинить колдовство, в действительности явившееся первопричиной их бед и непонимания.

10. Пережив воздействие колдовства, теперь я просто хочу настоятельно посоветовать всем не верить тому, что притупляет разум и усиленно насаждает свои неправильные мысли. Пусть когда-то весь мир уподобится тому ужасному подземелью, не имеющего света, но если хоть немного света будет в нас самих и если мы станем стремиться служить не духу смерти, а Духу жизни, то силы этих подземелий не смогут иметь над нами власть».

11. После завершения рукописи девушка спрятала её в сумку и вернулась к Атми и Фиорэль.

12. Дул лёгкий ветерок. Мягкий закат приятно освещал стремительный поток воды. Путников клонило в сон, и они решили остаться на берегу до утра.

Глава 12: За Многогоречьем

1. Не зная куда и зачем, на рассвете странники поднялись и направились на север, и шли несколько дней. Их путь пролегал через степи, покрытые редким кустарником, ковылём и высохшей травой, и живописные цветочные луга.

2. Движимый каким-то необъяснимым чувством, которое он и сам не мог до конца понять, путь выбирал сарацин, а Офшия отныне во всём доверяла ему и всегда соглашалась с ним. Ей нравилось путешествовать, так как за последний месяц она повидала множество красот. Ей было интересно всё, её увлекали всё новые и новые пейзажи, невиданные прежде растения, животные и дикие птицы. По дороге они встречали одиноких скитальцев, подобно Сиравну искавших свой путь среди рек и долин, небольшие поселения людей, которые были совсем иными, нежели те, что находились в их родных краях.

3. На своём пути странники повидали ещё много чего нового, но когда они вышли к *Многогоречью*, их взору предстал совсем уж необычный пейзаж. Из-за этого они даже усомнились – а не снится ли им всё их путешествие? Это сказочное место знаменито тем, что здесь на огромной территории протекает большое количество рек, а к юго-востоку отсюда располагается огромное море, какое не видывали ни Офшия, ни Атми. Однако в связи с тем, что странники не знали об этом, они и не подумали отправиться на юго-восток посмотреть на море, хотя до него оставалось всего лишь около трёхсот тысяч локтей.

4. Попад в землю Многогоречья, Офшия постоянно восхищалась увиденным, а Атми Сиравн лишь один раз произнёс: «Слышал, что аль-Фуират на юге, где его называют Бурануном, разливается на множество рек; и поэтому на севере это Многогоречье может также стекаться в одну большую реку.

5. Хотя мне так и не удалось за всю свою жизнь побывать на юге аль-Фуирата, сейчас я вижу нечто восхитительное и думаю, что по своим красотам это место похоже на долину Бурануна».

6. В поисках мостов и брода путникам пришлось преодолевать немалое расстояние; и когда они миновали это место и пошли на север, то оказались в земле многочисленных племён, совсем не похожих ни на бедуинов, ни на ассирийцев, ни на жителей Иверии. Эти северные незнакомые сарацинам народы назывались массагетами. В целом они были доброжелательными и миролюбивыми, но в их среде иногда попадались и злые разбойники и злодеи, кто отличался своим эгоизмом, ожесточением и нелюбовью не то что бы к чужеземцам, но даже и к своим соплеменникам.

7. Так, например, в селе Игина́с жил некий Элдýк. Этот человек пользовался большим авторитетом и назывался *стражем порядка*, но при этом творил беззакония и регулярно жестоко наказывал других проживавших поблизости массагетов – якобы за какие-то их преступления, которые на самом деле не совершались. В действительности, как говорили некоторые старожилы, «он должен был называться стражем беспорядка, а не порядка». У него было много жён, хотя в религии его народа, тенгрианстве, это не приветствовалось, и также было много наворованных богатств и нечестно приобретённых земель и домов. Правда, несмотря на всё это, высокий, широкоплечий, очень уверенный в себе воин, наделённый красноречием и талантом восхитительно петь, почитался среди своего народа. Если не страхом, то красивой песней или правдивыми словами ему всегда удавалось подчинять себе своих земляков; и все его либо уважали, либо боялись – хотя люди, как правило, если боятся, то и уважают, и наоборот...

8. Однажды один односельчанин доложил Элдыку о незваных гостях: «Я слышал, что в наши земли с юга пришли двое каких-то бродяг. Говорят, один из них – сарацин, прибывший сюда из долины реки аль-Фуират, а та, кто пришла с ним, по-видимому, его жена».

9. Эта новость вызвала у Элдыка бурный интерес и одновременно негодование. Совсем не подозревая об этом, пришедшие с юга странники решили задержаться в этих землях и стали наниматься к людям в помощники по хозяйству, чтобы взамен получать пищу и кров.

10. Одному старому человеку по имени Кюрык сарацин вскопал новые грядки, а после того, как тот научил его изготавливать глиняную посуду, он тут же сделал ему кувшин и несколько тарелок. Кюрык разрешил гостям временно занять чум¹¹, в котором раньше жил его сын, некогда ушедший странствовать, и также позволил есть вместе со всеми. В первый вечер за ужином он и его семья стали расспрашивать своих гостей о том, кто они такие и откуда явились. Те же в свою очередь расспрашивали массагетов об их семье и самом народе.

11. – «Кто вы, странники, и из каких земель пожаловали к нам?» – задал вопрос хозяин.

12. – «Я родился в Ас-сурийи... а позднее стал сарацином, – с промежутками между фразами начал отвечать южный воин – не из-за пережёвывания вкусной пищи, а из-за того, что ему довольно редко приходилось рассказывать о себе, – В своей жизни бродил по пустыням близ земель, по которым с одной стороны ходят эль-маядинские воины, а с другой живут бедуины... Там вместо лошадей используют похожих на них животных – верблюдов, имеющих на своих спинах горбы... Временами я скучаю по тем местам, но, если посмотреть на это с другой стороны, то зачем скучать, когда я странствовал равно как по тем землям, так и по этим?!»

13. Выслушав рассказ Атми, жена хозяина Орза принялась расспрашивать Офшию: «А ты, девушка, как давно и где познакомилась со своим спутником? Ты из тех же мест? У тебя есть дом?»

14. – «Ещё не так давно я вместе с мамой жила в долине великого Междуречья, – начала та немного взволнованно и поспешно, – Однажды к нам пришёл странник и попросил пить: собственно говоря, так вот мы и познакомились, – девушка стеснительно усмехнулась и тут же продолжила, – Если рассуждать относительно того, какой путь мы с ним проделали вместе, то можно сказать, что мы обитали примерно в одних и тех же местах. Однако я жила к северу от той земли, по которой путешествовал мой друг: он странствовал по пустыням, простирающимся к западу от аль-Фуирата, а моя родина располагается на северо-востоке от этой реки... Теперь ваша очередь открыть нам какие-нибудь тайны о вашей семье и народе».

15. Кюрык был молчаливым человеком, а вот его жена Орза с радостью принялась рассказывать обо всём этом, и стоит заметить, несмотря на то что Атми и Офшия находились среди массагетов всего лишь несколько дней и ещё плохо владели их языком, общение в целом удавалось.

16. – «Мы – кочующий народ, – бойко заговорила хозяйка, – сегодня живём здесь, а завтра там – такими непостоянными нас сделал Повелитель Небес, Тенгри. Это создаёт нам большие трудности, однако таким образом Великий Тенгри помогает нам быть более разумными и меньше бояться смерти: ведь земля нас не держит!»

17. Издревле любимым питанием нашего народа являлась рыба, которую Тенгри создал плавающей в реках и озёрах. Наши воины вооружены луками и кинжалами. Один раз я даже слышала, что нам принадлежит самое лучшее оружие в мире, а наши воины – самые сильные и отважные. Так ли это на самом деле или нет – вряд ли кто-нибудь когда-либо узнает».

¹¹ Жилище конической формы, сооружённое из жердей и покрытое оленьими шкурами, берестой, войлоком и т. д.

18. «Я так понимаю, это поселение – одно из многих поселений вашего народа?» – спросила Офшия.

19. Хозяйка кивнула головой в сторону и ответила: «О да! В этих-то краях осталось лишь небогатое население, а все богатеи ушли жить либо на юг, либо на восток, унеся с собой всё золото, медь и лучшее оружие – секиры, копья, луки. Когда я говорила о лучшем оружии мира, я, конечно, имела в виду их оружие, а не кинжалы и охотничьи луки, что остались в этом поселении. Но, хочу сказать, если кто на нас нападает, то и это вполне может оказаться вовсе не плохим оружием, – улыбнулась Орза, а затем продолжила говорить, всё больше и больше увлекаясь собственным рассказом, – Уверяю тебя, девица – история нашего народа необычайно насыщена и красива! Вот, например, более столетия назад к юго-востоку от Хузарского моря жил один великий человек по имени Андрагор. Было время, когда этот воин собрал воедино множество кочевых народов – массагетов и саков, и создал из них Апар-тикское (Парфянское) царство. Позднее он погиб в битве с апарнами – народом, пришедшим, видимо, из Хорасана, однако его царство по-прежнему остаётся одним из величайших государств, на страже которого стоят сильные и опытные воины. После смерти Андрагора власть над Парфией заполучил его враг – Арсак, возглавлявший парнами – народом, входившим в союз дахов». Кюрык хотел было перебить свою жену и объяснить, что она уже достаточно рассказала об истории, однако Орза махнула на него рукой и ещё более громким голосом продолжила: «Поэтому, как видите, слава и величие истории нашего народа неиссякаемы!

20. Примерно лет двадцать тому назад, если не ошибаюсь, до вашего прихода по этим землям пронеслась весть о том, что царь Митридат (первый) – довольно славный представитель династии Аршакидов, победил армию Селевкидов и взял в плен самого Деметрия второго! При этом же царе границы Парфии значительно расширились. Так что, – немного помедлив, нараспев произнесла Орза, – о величии истории наших народов ещё долго будут вспоминать с восторгом... А что касается нас самих, то скоро мы, как и многие другие, отправимся в путь – на восток».

21. Офшия была просто потрясена рассказом. Сарацин же был лишь немного удивлён. Они поняли, что попали в абсолютно неведомый им мир, совсем не похожий на тот, в котором они жили прежде.

22. Поужинав с гостеприимными хозяевами, путники решили на какое-то время остаться в этих землях и продолжили помогать Кюрыку по хозяйству, а взамен ели, пили и радовались жизни, но недолго.

23. В скором времени слух о том, что они не собираются покидать эти земли, дошёл до *Элдыка*. Эта новость побудила «стража беспорядка» явиться со своей свитой к дому Кюрыка и разрушить всё, что сделал Атми – сломать забор, потоптать грядки, разбить глиняную посуду. Когда старик увидел бесчинства своего соплеменника, то рассердился не на шутку и начал ругаться с *ним*: «Какой из тебя страж порядка, когда ты сам разбойничаешь как самый настоящий бандит! Пошёл прочь с нашего участка!»

24. От столь презрительного к нему отношения Элдык буквально озверел, быстрым шагом подошёл к старику и ударил его в лицо. Затем он увидел Офшию, направился в её сторону, но та со страху моментально убежала и принялась искать Атми. Когда же она его нашла, то второпях обо всём рассказала.

25. Атми отреагировал быстро. Он тотчас вернулся к дому Кюрыка и увидел все последствия бесчинств и плачущую жену хозяина. Он хотел её успокоить и поговорить с разбойниками, сотворившими всё это зло, но она дрожащим голосом заранее предупредила его: «Не связывайся с этими людьми. В их руках и сила с оружием и власть!»

26. В мрачной и довольно неприятной обстановке прошло примерно два дня. Языковые навыки обитателей долины реки аль-Фуират отныне не могли помочь в общении с массагетами, потому что настроения вести застольные беседы на интересные темы, да и вообще

разговаривать ни у кого не было. Кроме того, сарацина и его спутницу терзала совесть. Они понимали, что причиной всех неприятностей стало именно их появление и длительное пребывание здесь, и поэтому им теперь надо либо уходить, либо самим идти и разбираться со «стражем беспорядка».

27. Они размышляли над своими дальнейшими планами буквально пару дней, но потом стало уже поздно. Одним пасмурным днём в предобеденное время их враг сам решил навеститься к дому Кюрыка со своей шайкой и разобраться с теми, кто в нём живёт. Правда, он не успел приблизиться к самой хижине, в которой находились хозяева и Офшия, поскольку на своём пути встретил сарацина. Злобно заглянув ему в глаза, он угрожающе сказал: «Я заставлю тебя пожалеть, что ты пришёл сюда». Атми ничего не ответил и побледнел, так как от собеседника исходила какая-то злая разрушительная энергия, и тут кто-то ударил его сзади по голове. Он потерял сознание, а разбойники подхватили его и понесли невесть куда. Вскоре они притащили его на так называемый «камень мучений», на котором Элдык много раз издевался над людьми – связывал их, бил, резал и в конечном счёте приносил в жертву злему божеству. На сей раз он принялся бить привязанного к камню Сиравна и обещал отрезать ему пальцы, детородные органы и выколоть глаза.

28. – «Я – это уважение и страх в этих землях, а если ты этого ещё не понял, то сейчас поймёшь. Проколи незваному гостю ногу, – обратился он к одному из соратников, размахивая ножом, – а я отрежу то, что приписывает его к мужскому роду. И тогда посмотрим, воин перед нами или баба. А ты говори, где тебе больней, и тогда, может быть, спасёшь отдельные части своего тела», – грозным голосом произносил озверевший Элдык, на что его свита ехидно посмеивалась. Атми же закатывал глаза, будто теряя сознание.

29. Разбойники злорадствовали, бесились и слушали, что говорил их главарь: «Наш царь и владыка, Гефуш, грандиозный дух страдания и управитель человеческой мысли, мы приносим тебе в жертву пришельца, о появлении которого ты предсказал ещё давно. Прими же её из наших рук и награди за исполнение твоего задания». В это мгновение небо приняло слегка оранжевый оттенок, и вслед за самим Элдыком всё, что его окружало, будто стало излучать злую разрушительную энергию, от которой у Атми ещё сильнее закружилась голова и от нахлынувшего волнения похолодели руки.

30. – «Зря ты сюда пришёл, глупец, – обратился «страж беспорядка» к сарацину, – Ещё одно мгновение, и духи страдания займутся тобой, и Гефуш возьмёт тебя в свои когти, и мы отрежем тебе всё, что только можно...». Элдык задумался и попытался грамотно сформулировать конец своей фразы, однако не успел он этого сделать, как сарацин разорвал верёвки, ногой выбил у него нож, увернулся от удара ножа другого противника, отобрал его и зарезал им сразу двоих, после чего метнул нож в третьего. Ещё одного он стукнул головой о камень, а другого повалил чередой молниеносных ударов. Самому же Элдыку сарацин сломал руку, а затем ударил головой о камень и задушил.

31. Такова была сарацинская ярость, поставившая последнюю точку в истории массагетского «стража беспорядка», и такова была участь живодёров, теперь лежавших поверженными вокруг своего камня мучений.

32. После этих событий большинство массагетов, населявших округу, призналось в том, что первое, из-за чего они почитали Элдыка, был страх, а второе – всего лишь его мелодичная песня, в которой говорилось о красоте природы, любви и справедливости. Эта песня создавала иллюзию благородства её автора, хотя на самом деле за ней скрывалась тьма...

33. С этой поры в массагетских краях появилась новая песня, написанная другим поэтом. В ней восхвалялись смелые поступки героя, который в песне назывался *скитальцем-сарацином, пришедшим из тех южных мест, где по пустыням ходят слоны и верблюды, где в облаках летают дивные птицы, а земля растит диковинные пальмы и кипарисы.*

34. Когда всё встало на свои места, по истечении нескольких дней местные жители принялись собираться в путь – на юго-восток. Это событие послужило знаком и для сарацина с его напарницей – им также надо было отправляться в путь. Атми и Офшия попрощались с массагетами и пожелали им всего хорошего.

35. Кюрык тоже сказал им на прощанье доброе слово: «Тенгри благословил дорогу, по которой вы идёте: да сопутствует вам на ней удача».

36. Шёл сильный, но приятный дождь. Сиравн с Офшией вновь сели на свою лошадь и поехали на северо-восток, куда Атми вело его загадочное чувство – чувство сарацина.

37. Они шли по новым абсолютно неизведанным землям. Их путь лежал через луга, долины рек и невиданные прежде леса, где деревья казались совсем необычными и даже волшебными, пение птиц завораживало, а от благоухания цветов кружилась голова.

38. Путешествие странников было наполнено неожиданными событиями и тайнами, время раскрытия главной из которых уже приближалось.

Книга вторая «Исход сарацина»

Преддверие

1. Придёт время, когда ищущий найдёт, идущий дойдёт, пытающийся узнать узнает, а строящий возведёт.
2. Придёт время, когда то, что прежде считалось реальностью, окажется иллюзией, ибо познаётся истинная реальность.
3. Придёт время, когда Утвердитель законов сотрёт из законника всё лишнее и ненужное, все неправильные, жестокие, пустые и бесполезные старые законы. Творите дела, не вписывающиеся в законы этого мира, и да поменяются законы мироздания!
4. И когда это произойдёт, что всеми принималось за легенду и вымысел, станет явью,
5. что считалось великим, станет жалким; жалкое же станет великим.
6. Что принималось за сознательное, окажется бессознательным; на первый взгляд осмысленные поступки окажутся безотчётными, на первый взгляд сознательные мысли и идеи окажутся подсознательными.
7. Сокрытое откроется, а очевидное скроется.
8. Совершенное для нашего понимания окажется изъяном, а борьба с изъянами приведёт к совершенству.
9. Существующее окажется выдуманным, а принимаемое за несуществующее станет настоящим.
10. Что было ценным, обесценится, а что мы не ценили, окажется бесценным.

Глава 1: Мечтая о совершенстве

1. В течение нескольких дней Офшия и Сиравн продолжали свой путь на неизведанный восток. Перейдя вброд реку Жайык, они заметили странную вещь – периодически появляющийся вдалеке густой то ли туман, то ли дым, но до некоторых пор не придавали этому никакого значения. Сейчас у них были другие, на их взгляд, более важные проблемы, часто тревожившие их последнее дни.
2. Во время своего странствия путники иногда понимали, что являются очень разными людьми, и эти мысли приводили к частым распрям и обидам. Когда сарацин был не в духе, он искал тишины и безмолвия, в то время как Офшии в период её плохого настроения нужна была моральная поддержка и постоянное общение.
3. Она злилась из-за того, что Атми не хотел с ней разговаривать, а его злило, что она не давала ему покоя и тишины, и из-за этого он возмущался и жаловался, что от «её болтовни и обид у него болит голова».
4. – «Как я жалею, что пошла с тобой, а не осталась дома!» – отвечала она.
5. Путники хотели идеальных отношений, но каждый из них ориентировался лишь на себя и не понимал другого. Однажды сарацин, спокойно переосмыслив всё происходившее, понял секрет их разногласий и хотел было поделиться своими домыслами, однако ссора зашла настолько далеко, что примирение оказалось невозможно.
6. Теперь странников разделяло многое, несмотря на то, что они по-прежнему сидели на одной лошади по имени Фиорэль, которой их распри были безразличны. Лошадиная задача заключалась в малом – просто идти вперёд, и на этом её соображения, в данный момент являвшиеся самыми правильными, заканчивались.
7. Атми немного нездоровилось, и он, молча покачиваясь в седле, намеревался побыть в тишине. Его же спутница хотела разговаривать и только лишь из-за этого спросила его о самочувствии, но он не отвечал. Тогда она решила высказать ему своё мнение по этому

поводу, и они поругались. Вот, до чего дошёл разговор, наполненный разногласиями и взаимными обвинениями словно пустыня песком:

8. Атми усталым голосом говорил: «Мы могли бы вести себя спокойно и молча идти, а не бессмысленно грызть друг друга. Я просто хочу тишины, разве это нельзя понять?»

9. В ответ она с укоризной произнесла: «А для тебя тишина вообще самое дорогое, что есть на свете. Я заметила, что в последнее время ты в принципе изменился и стал каким-то бесчувственным, неэмоциональным. Раньше тебя хотя бы интересовало общение с людьми и ты делал это с весёлым видом, а теперь ты никакой – и при общении со мной и с остальными».

10. – «Я всегда был таким, – ответил Атми, – просто раньше я непроизвольно принимал, как ты говоришь, „весёлый вид“, чтобы не обидеть собеседника, показаться вежливым, но сейчас я понимаю, какая это ерунда – натягивать на себя улыбку и делать вид, что ты потрясён или завлечён чьим-то рассказом, когда на самом деле тебе всё равно. Такая улыбка – всего лишь мираж, и она ни о чём не говорит. А что касается тишины: именно из неё родилась вселенная, и возвращаться к ней иногда бывает полезно».

11. – «А я думаю, мы просто очень разные люди. Для тебя польза дороже нормального человеческого общения. У меня от тебя одно лишь беспокойство. Я знаю, что есть люди, похожие на меня в понимании, любви и отношениях. Я никогда не примирюсь с тем, какой ты есть, а ты, наверно, никогда не примешь меня такую, какая я есть».

12. – «А какой я есть?»

13. – «Безразличный и неотзывчивый. Первоисточником наших разногласий является именно твоё равнодушие в наших отношениях; и поэтому тебе сложно сказать мне что-либо приятное. У меня хорошие планы на будущее – найти верного друга, который во всём сможет меня понять, создать семью, обустроить свою жизнь; у тебя же все устремления какие-то призрачные и туманные».

14. – «Мои устремления – быть воином и странником, и ты должна была это уразуметь ещё в самом начале, когда я отговаривал тебя идти со мной и предлагал вернуться домой – к твоей матери».

15. – «У тебя нет нормальных стремлений, и ты меня никогда не понимал и не поймешь. Моё и твоё окружение сильно отличались. Ты просто другой – возможно из-за того, что тебя как-то неправильно воспитали».

16. – «Меня воспитала пустыня».

17. – «Тебя воспитали жгучие пески, скорпионы и жестокие сарацины, и видимо поэтому тебе сложно понять мои чувства. Для меня понимание – это когда люди являются единомышленниками, слышат друг друга с полуслова, у них одинаковое представление о жизни и о том, как и что должно быть. А у нас нет этого понимания, и это подтверждается даже тем, что я тебе изливаю душу, а ты смотришь вдаль и думаешь, куда бы лучше пойти – вот так ты ко мне относишься! Но я больше не хочу тебя мучить, не хочу мучиться и сама».

18. Иногда разговор казался бессмысленным, но какое-то безумие всё-таки смогло довести путников до их распрей и ссор, и даже Атми Сиравн, которому по его сарацинской природе был свойственен холодный рассудок, постепенно и сам терял способность здраво мыслить и не мог ничего поделать ни с собой, ни со своей спутницей.

19. Он еле сдерживал своё недовольство всем, что происходило с ним и вокруг него. Проезжая мимо невысокого засохшего дерева, он вдруг кивнул вдаль и произнёс: «Какие сложные рассуждения для необразованной девушки, всю жизнь прожившей в деревянном доме с прогнившей крышей! Послушай, ты не чувствуешь присутствие чего-то потустороннего – некой силы, вновь овладевшей нами? Откуда, ты думаешь, взялась та серая завеса?»

20. – «Ты хочешь меня напугать? Не стоит этого делать. Здесь никакая потусторонняя сила ни в чём не виновата. Просто отпусти меня».

21. На этом закончился разговор. Атми оставил Офшии лошадь, и та ускакала прочь, а сам он отправился пешком на северо-восток. Печаль и гнетущие чувства поселились в их душах, будто ветром нагнанные тяжёлые тучи заволокли всё небо до самого горизонта. Ей было плохо, и ему было не лучше. Сарацин понимал, что его натура предрасположена к одиночеству, и теперь ему надо было побыть в полной тишине, чтобы разобраться со своими мыслями и планами. Офшия, в противоположность, не любила тишину и нуждалась в таком же страннике, как Атми, но только который смог бы понять всю сложность её натуры...

22. Лишь незаметная и мимолётная мысль о совершенстве оказалась способна возвести стену непонимания между путниками, которые совсем позабыли, что в этом мире нет ничего идеального, а сильное желание находиться в идеальной обстановке только усиливает раздражение и разногласия. Ещё не так давно путники смогли бы это понять, но какие-то безвестные силы этому воспрепятствовали.

Глава 2: Рукопись Атми Сиравна

1. На посеревшем небе виднелась одна единственная звезда. Она была серой и своим видом наводила ужас. Она не была похожа на обычную звезду и напоминала око преисподней, описанное в древних легендах.

2. Ничего кроме мерзости запустения в земле, где проходил Атми Сиравн, не было, и в его душе, пожалуй, было то же самое. В его глазах мир лишился света и радости, и ни о чём добром думать он сейчас не мог.

3. Потеряв спутницу и лошадь, Атми шёл один, а серая мгла на горизонте всё сгущалась и сгущалась. Это был не туман, не тучи, не дым, а нечто иное – гнетущее душу и подавляющее светлые чувства.

4. И вот, на зов своего непонятного подсознательного чутья сарацин пришёл в загадочное и зловещее место.

5. Присев возле большого камня, он достал из сумки лист бумаги и, сожалея, что в мире нет ни одного человека, способного выслушать и понять его, принялся записывать свои мысли. Он сочинял текст в состоянии душевного волнения и отчаяния, но несмотря на это, ему всё-таки удавалось взглянуть на свои проблемы со стороны. Вот его строки:

6. «Спутница, делившая со мной седло, каков итог задуманного тобой? а может быть, ничего задуманного и не было. Что принесло твоё беспокойство о моём самочувствии, кроме как его ухудшение? Ты ничего не выяснила и не доказала ни себе, ни мне. Только вот теперь взамен совместного продвижения вперёд мы странствуем порознь, что в данной ситуации намного хуже, нежели идти вдвоём и молчать.

7. Сказав, что нам не надо зря тратить время, я не имел в виду на наши отношения, а имел в виду на ссоры, саморазрушение и стремление к идеальной обстановке. Если мы в принципе не можем понять друг друга, это весьма печально; однако мне кажется, что каждый из нас просто думал лишь о себе и не старался понять другого...

8. Печально, но так или иначе наши дороги теперь разошлись. Видимо, просто такой порядок установлен на земле ещё с самого начала, что все расходятся разными путями. Многие ищут правильный путь, но при этом не понимают, что его правильный путь для другого таковым может не оказаться: всем и всему своё место. Никто не хочет понять, что он – всего лишь человек, и совершенной истины ему не найти. Так, например, ещё недавно во время ссоры с Офшией я был убеждён в своей правоте, однако сейчас понимаю, что не должен был оставлять её одну в опасности – в зловонной серой мгле, которая может скрывать в себе невесть что. Пусть её эгоистичное поведение ухудшило моё самочувствие, пусть она и сейчас не захотела бы это признать из-за своих представлений о жизни, непонятных мне так же,

как ей мои, но всё же это не повод оставлять её одну; и к тому же сейчас я осознаю, что наша ссора была абсолютно бессознательной.

9. Недалеко от Иберии в лабиринтах, находившихся под замком дэвэна Гекула, на нас действовала гнетущая сила проклятия. Я знал это наверняка, а Офшия нет, и поэтому между нами образовалась стена непонимания; и если бы я позволил этой стене устоять, то мы, пожалуй, до сих пор были бы поработаны тем злом, затаившимся в глубинах подземелий».

10. После написания текста сарацин запихнул свиток в сумку, посидел, поразмышлял о жизни, подумал о том, что если бы случайно встретил здесь Офшию, то несомненно дал бы ей это почитать, и она отчасти поняла бы его, а он отчасти понял бы её...

11. Как только мысли Сиравна были прерваны, он встал и побрёл по безжизненным местам. В один момент ему на пути попался покоившийся на посеревшей земле мёртвый воин, накрепко зажавший в своей руке саблю. Его тело было сильно растерзано, и зрелище, по правде говоря, было весьма неприятным и жутким. Однако сарацина оно ничуть не впечатлило, так как его голову и без этого наполняли тяжкие и мрачные мысли.

12. На своё счастье он решил взять саблю с собой и только потом отправился дальше в путь.

Глава 3: Никем невидимое сияние

1. Он шёл по неизвестной, окутанной мраком и едким дымом местности. Мысли и чувства его перемешались, а помутнённое сознание твердило: свершается замысел потусторонних сил. В какой-то момент к Атми Сиравну вернулся рассудок, и тогда он в очередной раз пожалел, что зря слушал голос говорившего устами Офшии искусителя, а не руководствовался здравым смыслом. Теперь она в опасности, так как умчалась одна на лошади в долину серой мглы, где обитают неведомые злые силы, и по этой причине сарацину оставалось лишь кусать локти и укорять себя...

2. В землях, где он нынче странствовал, часто попадались мёртвые воины, женщины, старики и дети. Их тела выглядели настолько ужасно, будто принадлежали не человекам, а полулюдям-полуживотным. Трупы, чей смрад разносился по всей округе, были окутаны густой серой мглой непонятного происхождения и настолько зловещей, что казалось, именно по причине её существования откуда-то доносятся стоны отчаяния и страдания душ когда-то живших *людей*. Неким мистическим образом сарацин понимал, что ещё давно все *они* были поработаны сознательными существами, из чьего логова исходит смрадный дым, и при жизни не веря в это, они творили много зла, осуждали, лгали, сеяли страдание вместе с их *падшими учителями*¹² и разрушали гармонию духовного мира.

3. Вместо того чтобы преумножить в себе понимание, заглушая тем самым вселенское зло и дела нашего врага, являвшегося человекоубийцей от начала, мы осуждаем и какой-то абсолютно пустой и лишённой смысла гордыней сеём страдание. Именно болезни души приводят нас в тупик, и вся смута в мире происходит из-за болезней – болезней людей, животных, городов, государств, стран, тела Земли.

4. При этом мы не видим своего истинного врага потому, что им является дух пустоты, убивающий веру и закрывающий нам глаза и уши бессмысленностью и жестокостью своих дел. Однако сарацин являлся человеком, вера которого практически не зависела от постигнутого умом или увиденного телесными *глазами*, но зависела от смысла, увиденного *духовными*. А уж если в чём-то никакого смысла не было, то здесь и верить не во что.

5. Услышав позади себя чьё-то рычание, Атми осторожно обернулся и со страхом увидел, как неподалёку от него с земли поднялся один из мертвецов. Побледнев от ужаса, сарацин прошептал: «Ты бы не восстал, если я не подумал бы о сути происходящего», но тут же

¹² Падшие учителя – чин нечистых духов.

потерял всяк мысль, кроме как о спасении. Мертвец безмолвствовал, но своим взглядом будто внушал ему: «Всё кончено, ты теперь будешь лежать с нами, а твоя кровь утечёт в шеол, откуда грядёт семирогое двуглавое чудовище, имя которому Гефуш. Он не помилует никого стоящего на его пути!»

6. Одна его голова смотрит на восток, другая – на запад, а ты, потерянный во мгле в центре мира – между двумя частями света, будешь трепыхаться на его роге, одном из семи. Казнь уже уготована для тебя, но ты сопротивляешься изо всех сил, и поэтому он не может тебя окончательно поработить. Однако управа найдётся на всех: Гефуш пошлёт своего наместника, который убьёт всех его врагов, в том числе и тебя, и отправит в шеол».

7. Сарацин достал саблю, прежде забранную у мёртвого воина, и встал напротив существа, похожего на дэвэна, обитавшего в подземельях колдуна Дежавина.

8. Почувствовав, как на лбу выступил холодный пот, Атми Сиравн сжал в руке саблю и уже в следующее мгновение отчаянно ринулся в бой. Долго защищаясь и пытаясь поразить умертвие, он был измотан, но затем ему повезло. Очередным взмахом сабли ему всё же удалось поразить цель. Немного придя в себя после битвы, он отправился в путь, в котором на него зачастую находил страх из-за его постоянного ожидания встречи с чем-то подобным. Вскоре он миновал участок с выжженными деревьями, и там на него нашло озарение. Он остановился, достал свиток и записал свои новые мысли:

9. «Я ненавижу вас, мироправители и начальства (архонты)! Ненавижу за то, что вселенная управляется вашими тёмными разумами, а я, если захочу возразить вам, не смогу этого сделать, потому что являюсь лишь подневольной песчинкой на вашем пути. Я хотел странствовать вместе с Офшией, с которой мы были очень близки; однако вы сделали так, что мы перестали нравиться друг другу и разлетелись, словно ударившиеся друг о друга камни.

10. Сейчас же мы оба находимся в опасности. Стоит мне погрузиться в сновидения, которые таит в себе окружающая серая мгла, как я буду сразу же повержен, ибо здесь – на краю шеола, лишь бодрствование духа способно избавить от безволия и нечистых помыслов, пустых мечтаний и потери рассудка.

11. Но как бы я ни старался бодрствовать, я всё равно погружаюсь в грёзы, так как уже не способен различить, где сон, а где явь, и где небо, а где тьма, ибо неверные духи и *небо* сделали *тьмой*, и уже неясно, какие мысли и поступки правильные, а какие нет.

12. Воля Гефуша – *духа-управителя* мыслей, приводящих к унынию и лукавым грёзам, ещё до начала времён *таившего* в сердце злой план, уже помрачила небо; и верхушки стоящих со стороны восхода Солнца и со стороны восхода Луны холмов уже погрузились во мрак, подкрадывающийся к твоей душе, как змея подползает к покоящейся жертве. *Архонт* стоит над стихиями вселенной, и здесь, в его владениях, окружающий меня пространственно-временной хаос имеет отблески прошлого и будущего.

13. *Ему* дана власть управлять нашими чувствами и мыслями, и тёмными областями бессознательного; и если он один представляет собой невообразимо сильного врага, то каково же тысячное войско начал преисподней, коим дана власть творить бесчинства во всех областях бытия?

14. Я вижу, как над осквернённой землёй вздымается множество языков пламени шеола: суэта, ненависть, унесённое в никуда время, умы, повлёкшие за собой великие мерзости, беспомощность, стоны душ, томящихся в подземельях, откуда нет выхода, зависть и безответные крики о помощи изнемогающих от нестерпимой боли.

15. Я вижу тысячи могущественных царств и миров, пребывающих во власти архонтов, и дремлющих у рек аль-Фуират и Хиддекель четырёх духов смерти, готовых умертвить третью часть людей и разрушить третью часть этих царств, пребывающих на Земле.

16. Воины того края, куда меня всю жизнь вело загадочное чувство! знайте, что в этот час лишь только я могу предостеречь вас о внезапной атаке *начала*, решившего навестить ваш расположенный среди северных холмов мир.

17. Архонт Гефуш грядёт, и им посланный наместник со своей армией уже здесь!

18. Я стою совершенно один, и вместо птиц надо мною выются поднебесные духи злобы, и небо вместо света откидывает тень; и вместо утреннего тумана над землёй расстилается серая смрадная мгла.

19. Лишь прибежище, возвышающееся на краю северных холмов, остаётся не объатым этой мглой.

20. Здесь время течёт по-иному, а слуги вечной смерти не дают мне познать истинную суть происходящего и сбивают с толку, хотят вселить в меня страхи, поймать на этом и, подчинив иллюзии, уничтожить.

21. Страх – это горе и боль в твоём воображении, материальный мир – всего лишь сон, навеванный твоим сознанием, а духовная бессмыслица – дела духов *пустоты*, *лишающей* веры и надежды; и становится очень нелегко, когда тебе приходится сталкиваться с этими тремя вещами одновременно. Однако здесь, в окрестностях есть великое место, способное вмещаемым в себя смыслом возродить во мне веру, вернуть надежду и рассеять страхи.

22. И пусть бывшие надежды оказались неоправданными, а мечты несбывшимися, но огонь правды и слава никому неведомого доселе *прибежища*, что *стоит* на краю северных холмов, по-прежнему непоколебимо сияют величественным пламенем, способным воскресить практически погасшее!»

Глава 4: Потеря владыки

1. Над проклятой, забытой Небесным Отцом и покорённой архонтом землёй серая мгла всё продолжала и продолжала сгущаться и подкрадываться к располагавшемуся между рекой Забвенья и Хугумарским лесом царству, на вершине одной из башен которого, печально всматриваясь вдаль, в последнее время часто бывал властитель этих поднебесных твердынь, имя которому Дмирджуран.

2. – «Зачем вы явились сюда, служители бездны?! Кто-то призывает пустоту, и она приходит, а кто-то не зовёт, так она всё равно идёт», – от безысходности перед надвигавшимися несчастьями говорил он.

3. Час битвы приближался: скоро реки крови должны будут смешаться с землёй. Чтобы узнать больше о явившихся сюда завоевателях, владыка поднебесных твердынь порой прислушивался к стонам душ и воплям нечистых духов, раздававшимся вдали, но однажды именно через эти вопли духи решили воздействовать на него и устроить ему тяжкое испытание. Когда Дмирджуран излишне увлёкся своим занятием, нечто сеющее уныние подломило его, и он услышал голос демона-искусителя: «Соранзон – твоё заключение. Ты принимал его за свет, а он оказался тьмой. Освободи себя от него». Вслед за этим с владыкой, подвергшимся вражьим чарам, и вовсе произошло нечто необъяснимое. Он медленно поднялся в воздух и унесся прочь от своей земли. Духам удалось проделать эту колдовскую уловку именно в тот час, когда серая мгла, скрывавшая армию умертвий и армуг, уже подступила к стенам Трэолурия – царства Дмирджурана.

4. Так для эрорумизров, населявших его, началась скрытая война. Первое время никто не мог понять, куда же делся их повелитель? И только старейшины вскоре обо всём догадались и при этом тщетно попытались сохранить всеобщее спокойствие.

5. Дни летели невообразимо быстро. По прошествии большого промежутка времени с момента исчезновения царя в эти земли неожиданным образом явился одинокий путник. Увидев под стенами своего царства незнакомца, стоявшие наверху стражи спросили его:

«Кто пожаловал к нам?» Путник ответил: «Кем бы я ни был, я пришёл предупредить, что к этим стенам приближается мрак!»

6. Однако стражи ещё раз настоятельно попросили его представиться: «И всё же, кто ты?», на что пришелец ответил: «Я – воин-сарацин по имени Атми Сиравн. Я – тот, кто надеялся на благосклонность судьбы и поддержку людей, но не встретив ни того, ни другого, понял, что надеяться можно лишь на себя и свою саблю».

7. Стражи-эрорумизеры, почувствовав, что странник пришёл с миром¹³, впустили его. Сарацин на всякий случай оглянулся и прошёл сквозь ворота. По ту сторону их к нему сразу же приблизился высокий и крепко сложенный соранзонский мечник Альнельюо́мн (Олеон). На нём были надеты роскошные матовые доспехи, а за поясом висел мощный меч весом с небольшую овцу. Олеон знал много чужеземных языков, в том числе и сарацинский, и стал расспрашивать гостя – из каких земель он родом, почему пожаловал в эти края, и как ему удалось выжить в долине серой мглы. Сарацин рассказал ему всё это, а затем поинтересовался, откуда взялось такое величественное царство, как Соранзон? на что Олеон без труда поведал ему эту тайну:

8. «Соранзон существует уже несколько тысяч лет – с тех пор, как рядом со Спасительной твердыней были отстроены ещё две башни. Почти двести лет, если время отмерять годами нашей, соранзонской, реальности¹⁴, этой землёй правил великий царь, одолевший зло, воплотившееся из его отражения – беспощадного и могущественного Ажурана. Эта победа принесла нам мирное время и сладкую безмятежность последующих лет, однако по прошествии которых над нами вновь нависла тьма, принёсшая страдание и смерть и отвратившая нам путь к другим царствам и городам.

9. Когда это необъяснимое явление произошло и никто из нас не мог попасть в земной мир, тогда все мы вспомнили древнее пророчество Хориавна о разъединении вселенной Гушаарна на реальность Соранзона и реальность Арну и о том, что в этих реальностях и время станет течь с неодинаковой скоростью, и если у нас пройдут годы, то в земном мире минуют века. Таким вот образом легенда, пророчимая древними, оказалась явью!

10. Почти каждый, кто далеко уходил от нашей земли, больше не возвращался, а кто возвращался, рассказывал, что за пределами соранзонских границ нет ни радости, ни жизни, а есть лишь страдание и смерть. Почти все дороги, сообщающие Соранзон с нашим союзником *Влинолььюо́м* (Влоном) и другими царствами, исчезли, и среди них остался лишь один единственный путь, называемый смертью...

11. По обезображенной местности бродили умертвия и серые твари, а над ними парили обольстители, поднебесные духи злобы и рулосамы, поражающие разум.

12. Мы были полностью оторваны от окружающего мира и пользовались только тем, что имела наша земля; питались всё это время лишь тем, что росло в пределах наших стен.

13. С приближением ночи дух отчаяния выходил из своего логова и бродил вблизи наших границ, и нам был слышен его зов.

14. Однажды этот дух вроде бы куда-то исчез, но, как оказалось, он сделал это лишь для того, чтобы мы расслабились и не были готовы к новому его вторжению, которое лишило нас властителя».

15. – «Каким образом это произошло?» – удивившись, поинтересовался Атми, на что Олеон без замедления ответил: «Магическим! Дмирджуран просто исчез, словно сквозь землю провалился, а после этого наши старейшины и лучники видели, как он, грозно взирая на родные твердыни, ходил по окрестностям вместе с врагом.

¹³ Ещё со времён постройки первой башни на границе этого царства стояли специально обученные стражи, имеющие дар предвидения, позволяющий им определять намерения тех, кто приходит в эти земли.

¹⁴ Некогда наша общая вселенная Гушаарна была разделена на реальность Соранзона и реальность Арну – ту, где находится наш земной мир.

16. Наши души объяли страхи и непонимание. Ведь потеряв сильного владыку, мы приобрели опаснейшего врага, знающего слабые места нашего царства, пожалуй, намного лучше, нежели его былой соперник, имя которому *Отражение*».

17. Сарацину стало крайне неловко, но всё же он осмелился задать Олеону следующий вопрос: «Может, он просто предал вас?» Нугрон помотал головой и ответил: «Все верят и надеются, что он стал таким не по своей, а по злой воле снаружи – по воле падших аменасамов.

18. Владыка не мог предать нас! Мой отец говорит, что он ещё вернётся, и вернётся потому, что очень любил свою землю, а любовь, как мы знаем, способна рассеять любые чары».

19. Олеон продолжал рассказывать о Трэолурии, о себе и при этом расспрашивал сарацина о его родине, пути и дальнейших планах. После того как пришелец поведал ему обо всём этом и упомянул о южных землях, где он жил и где располагается знаменитая страна Ас-сурийя и великое Двуречье, где странствуют воины-сарацины и бедуины, а чуть севернее когда-то давно стоял город Аккад, которым правил царь Шаркалишарри, Олеон вдруг возгласил: «Так ты явился к нам из другой реальности?! Как тебе удалось преодолеть прерванный путь? Я слышал о Шаркалишарри: в земном мире *он*, наверно, уже давно умер, хотя нашим нынешним послам удалось побывать в Аккаде ещё при *его* жизни. Скажи мне, что ты видел и чувствовал по дороге сюда?»

20. Атми вздохнул, оторвал взгляд от земли и принялся рассказывать: «Странствуя по завораживающим своим видом горным и речным долинам, бескрайним равнинам, я понял бесконечность разнообразия и красоту нашего мира. Однако помимо всего хорошего на моём пути попадались также проклятые земли, колдуны, разбойники, дэвэны и восставшие из праха мертвецы...

21. Совсем недавно я поссорился со своей спутницей, и мы расстались, о чём, наверно, мы вместе жалеем.

22. Если нам с тобой страшно находиться здесь – за мощными стенами, то каково же ей одной пребывать во мгле, навеянной духами шеола?!

23. После нашего расставания по пути сюда я увидел необычное явление: как с земли поднялся труп и начал предвещать пришествие *наместника* архонта Гефуша...».

24. Некоторое время Олеон продолжал водить Атми Сиравна по своей земле и молча выслушивать рассказ, но вдруг ему припомнилось древнее пророчество священной книги Спантадвары о *полуэрорумизре пустыни*, и он воскликнул: «Я знаю, что ты послан нам Всеведующим! Его Дух привёл тебя сюда». Остановив взгляд в одной точке, с какой-то таинственностью в голосе мечник произнёс: «Кто испытание нам несёт, тот смерть в Спасительные земли приведёт.

25. Брат архонта страдания уже появился в этих краях и готовит нам битву.

26. Да не убоимся мы в этот час того, кто грядёт, как когда-то не убоится всадник милосердия брата нашего врага!»

27. В тот момент, когда Олеон вывел сарацина на небольшую возвышенность, послышался сигнальный звук рога и нарастающий грохот земли.

28. Так битва вновь пришла в эти земли!

Глава 5: Перевоплощение

1. Плотная серая мгла подступила к Соранзону слишком близко, но тем не менее нугроны, стоявшие на стенах, всё-таки смогли разглядеть вдалеке армию тёмных сил – настолько огромную и ужасную, что не было никого во всём мире, чьё дыхание не сбилось бы при виде её.

2. В какой-то момент один из лучников, звавшийся Коридо́ном, тихим испуганным голосом проговорил: «Это слуги мубхарну, имеющие умыслы, обращённые против всякой жизни. На своих хвостах они имеют жала – страсти и грехи... Имя этой армии – саранча».

3. В час, когда на землю опустилась тьма, в стены Трёлурия полетели огромные горящие камни и стрелы и воины-эрорумиэры сошлись в смертельной схватке со служителями мрака. Атми Сиравн бился за Соранзон так отчаянно, будто бы сражался за свою родную землю, за свою духовную родину и место, куда ему было предначертано явиться ещё прежде его рождения.

4. Невысоких серых тварей, именовавшихся армугами, было огромное множество, и по количеству они превосходили воинов поднебесных твердынь.

5. Могущественный предводитель особого боевого отряда Кербелей бесстрашно мчался вместе со своими нугронами сквозь битву, кругом огибая величественные стены царства и прорубая среди врагов себе путь; однако его отряд был слишком мал, чтобы справиться с бесчисленным множеством снующих вокруг умертвий, армуг и прочих не менее ужасных демонов.

6. Настала минута, когда серое полчище прорвалось сквозь стены, принеся с собой страдание и скорбь всем обитателям этой земли, когда даже женщинам, вооружившись чем попало, приходилось вступать в бой, защищая своих детей, когда дым мучения восходил под небо и нугроны тщетно пытались сохранить свои позиции.

7. После того как гигантский камень, запущенный вражеской катапультой, причинил главной башне сильный ущерб, даже самые смелые эрорумиэры ужаснулись, когда их тысячетелная нерушимая твердыня так легко сотряслась.

8. Многие из нугронов погибли в этот час, а враги упорно продолжали своё наступление. Силы армии Соранзона постепенно убывали, и когда враг подошёл к башням, раздался демонический голос наместника Гефуша: «Признайте своё поражение!» После этих слов неожиданно в центре поля брани перед взором нугронов явился и сам владыка Трёлурия, околдованный сильнейшими чарами. Его лицо было мраморно-бледным, а глаза – мертвыми и холодными, и воины-эрорумиэры, из последних сил пытавшиеся удержать в руках мечи, приблизившись, от страха и растерянности вначале будто бы окаменели, а затем один из них, именовавшийся Свелавелем, громко спросил:

9. «Владыка! почему ты оставил своих верных подданных и встал на сторону наших врагов?»

10. Никто в этот момент не заметил связи между *помрачённым разумом* неподвижно стоявшего Дмирджурана и находившимся далеко позади него *наместником Гефуша*, шепчущим какие-то древние заклинания. Однако с помощью именно этих заклинаний врагу удавалось держать под контролем свою жертву, и никто, кроме него самого, не мог помочь Дмирджурану побороть вражеское проклятие.

11. К воротам главной башни рулосамы уже подвозили таран. Стражи больше не имели возможности сдерживать их натиск, так как многие из них покоились на холодной земле.

12. Дмирджуран видел всё это, но в его голове и мысли не было о том, чтобы помочь своим братьям. Когда после тяжёлого дня ты ложишься спать, иногда бывает, что ночью ты впадаешь в забытие, хочешь пробудиться от него и открыть глаза, но не получается, и ты вновь проваливаешься в тяжёлый сон. В таком состоянии пребывал Дмирджуран.

13. С закрытыми глазами он стоял и пытался пробудиться от забытия. В какой-то момент битвы кровь соранзонских нугронов обагрила его лицо и одежду. Из последних сил борясь с чарами супостата, он приоткрыл глаза и тихо произнёс:

14. «Пусть я умру вместе с воинами, чья кровь окропила моё лицо, нежели буду стоять живым вместе с вами, падшие архонты и послы». Наместник начала тьмы ещё с большим усердием продолжил читать древние демонические заклинания, в то время как царь Соран-

зона не переставал бороться с ними и возглашал: «Вперёд, воины! Эта битва не за наши шкуры, землю или богатства, а поистине: за Отца, Венец мира и Духа милосердия! Слово Отца – наш Путь! В бой, мы разрушим мироздание!»

15. После воинского призыва, пробудившего нугронов от смятения и страха, властелин трёх твердынь, размахнувшись мечом, сразил близстоящее умертвие, а затем, окинув взором поле брани, громко произнёс: «Вперёд, непобедимое войско Соранзона! Эта битва для нас – слава и честь, ибо многие умирают от того, что встали на сторону архонтов, а мы умрём вместе – от того, что воюем против них за Соранзон! Вперёд! Превратим дела мироправителей в прах!»

16. В час, когда силы армии трёх твердынь почти иссякли, Сам Йор осветил сию землю небесным лучом, и тогда воины воспели: «Вседержитель! Создатель вселенной и бесчисленных миров, мы восхваляем Тебя и будем сражаться с теми, кто поругал и предал Дух Твой, до самого конца!»

17. Практически одновременно с этими словами из полуразрушенных башен вышли могущественные солайэрны, древние воины подземного царства, и пронесли над полем брани, вращаясь словно ураганные вихри и поражая двумя изогнутыми мечами врагов. Их тёмно-синие балахоны развевались во все стороны и не давали *рулосам* понять, куда надо наносить удары, в то время как энергия солайэрнов, которую они черпали от земли и неба, в виде огненных шаров и молний настигала *их* и уничтожала.

18. В какой-то момент воин подземного царства, имя которому Аолоэф, встал перед нечистыми силами и произнёс своим необычным для эрорумизров голосом: «Воинствующий Соранзон вы когда-нибудь разрушите, но Небесный не одолеете никогда! Жив Йор, и мир Его не погибнет вовек! а ваш уже погиб изначально. Праведные силы не будут судиться, потому что они уже оправданы, а вы осуждены с самого начала».

19. На воинский призыв царя Дмирджурана из дальних земель прибыли и всадники облаков: Шедэх, Оривай, Тостомтерифаинасе, Коррюминосфэгнэ, Келзофран, Оронолис-эн, Икнэолосфэгнэ и Ромоофиэй: все ввосьмером; и от их мечей в прах обратилось немалое полчище врагов.

20. Широкоплечий богатырь Туром ловко размахивал своим тяжеленным цепом и раскидывал посланников шеола во все стороны.

21. Отряд Кербелёя, почувствовав в себе новые силы, принялся рубить порождений царства вечной смерти, а Дмирджуран, уворачиваясь от ударов и поражая рулосамов, мчался сквозь вражеский легион к назначенной цели.

22. Настал час решающей битвы, когда царь должен был встретиться с *наместником* Гефуша, *чи* заклинания недавно чуть ли не погубили его.

23. Глаза этого наместника ужасали своей чернотой, его мертвенное лицо было бледным подобно куску выбеленной ткани, рот был очень широким и выглядел словно большая дыра посреди звериной рожи, а зубы походили на волчьи.

24. Когда Дмирджуран оказался напротив него, его посетил сильный страх, подобный тому, какой посещал его во время встречи с Ажураном, однако несмотря на это, в следующее мгновение заклятые враги схватились один на один в бою, в котором выжить должен был лишь один.

25. В первый же момент наместнику удалось продемонстрировать своё боевое превосходство и всего лишь взмахом руки откинуть противника так, что последнему понадобилось какое-то время, чтобы придти в себя и подняться на ноги. В любое мгновение повелитель эрорумизров мог лишиться жизни; но рулосаму это не грозило, поскольку из-за своей хитрости и ловкости он был практически неуязвим.

26. Бой был продолжительным. Царь поднебесных твердынь сильно вымотался, но старался не подавать никаких признаков усталости и сражался словно тигр со свежими силами.

27. В какой-то момент ему удалось вонзить во врага меч, правда, этого оказалось недостаточно, ибо рулосама нельзя было убить как простого смертного. Тогда Дмирджуран из последних сил нанёс ещё несколько ударов, и наместник, пав на колени, скорчил ужасную гримасу, сомкнул свои волчьи зубы и будто растворился в воздухе.

28. Сразу вслед за поражением главного посланника шеола его армия была почти полностью разгромлена, и оружия солнцепёк и молниеметатель уничтожали последних из них.

29. Взглянув на Дмирджурана, перевоплотившегося в прежнего повелителя Трэолурия и уничтожившего врага, эрорумиэры почувствовали, как нечто родное и бесценное вернулось к ним, как боевой дух снова был с ними. Их сердца в тот час исполнились радостью, и они, продолжая сражаться, принялись воспевать и благодарить Всемогущего Йора!

30. Они бились и умирали за нерушимый Соранзон, живший в их сердцах. Они были практически истощены, но это не мешало им продолжать сражение за источник живительной воды, пьющий из которого уже не будет истощён никогда.

Глава 6: Возрождение

1. Победа казалась совсем близкой, но достичь её было не так уж и легко.

2. Небесный свет погас, и из мглы отчаяния, обид и одиночества показался образ воплощения зла, имевший две головы – одну, повёрнутую на запад, другую – на восток, семь рогов, благодаря которым существам наносились душевные раны – отчаяние, обида, уныние, угнетённость, одиночество, беспомощность и зависть, и два лица, одно из которых отражало жестокую сущность архонта, а другое – его подлость.

3. Глаза этого *начальства*, *воплотившегося* между реальностями Соранзона и Арну, пылали огнём шеола, а его рвущие благочестие, словно коршун раздирает свою жертву, массивные золотые когти, где бы ни сверкнули, везде появлялись ложь и лицемерие.

4. *Гефуш* управлял стихией мрачных мыслей, но здесь – в мире трёх твердынь, его подлые ухищрения не действовали в той мере, как они действовали во вселенной Арну, и поэтому в данный момент ему ничего не оставалось, кроме как сражаться подобно простым смертным воинам. Он принялся раскидывать эрорумиэров длинными сильными лапами, пытался подсаживать их на рога и распространял своё зловонное дыхание, способное в мгновение ока обращать воинов и всё живое в прах. Однако среди нурунов присутствовал некто, кому этот смрад не причинял никакого ущерба. Этим ловко сражающимся с ним существом оказался солайэрн.

5. Он долгое время намеревался подступить поближе и нанести поражающий удар, однако в конечном итоге и он не смог выдержать натиска противника и был откинут им на большое расстояние.

6. Эрорумиэры поначалу ужаснулись силе архонта, но потом укрепили дух в вере и набрались храбрости, чтобы снова пуститься в бой с возгласом: «Почему порождению бездны дано столько власти и могущества?! Давайте же прогоним его с нашей земли!»

7. Некоторые из нугронов призывали всех остальных брать архонта в кольцо и погибать в бою с ним во славу Йора, и так продолжалось до тех пор, пока один из небесных духов не обратил внимание на умирающих.

8. Когда же *власть*, имя которому *Манугреол*, что означает – «не люблю страдание», увидел, как соранзонские воины терзаются нечистой силой и умирают во имя Вседержителя Йора всего сущего, он простёр руки свои над *миром поднебесных твердынь*, и тогда каждая *его* частица и грань стала подчиняться власти Манугреола.

9. Посреди поля брани стоял освещённый небесным лучом всадник облаков, имя которому Келзофран. В час, когда из уст Манугреола повеяло безмятежностью, Келзофран произнёс в сердце своём: «До каких пор вам будет дозволено сеять боль и смятение? Уверяю тебя, Гефуш, явившись перед нами чудовищем, ты больше вызываешь презрение и нена-

висть, нежели трепет и страх перед поражением, ибо мир страдания, который ты сотворил вместе со своими братьями, на века покрыл имя твоё позором и бесчестьем!

10. Поле посеяно, время прошло, пора пожина́ть пшеницу и отделять её от плевел¹⁵; пшеницу собирать в житницы, а плевелы сжигать.

11. Виноград взошёл, время прошло, и грозди беззакония возросли до крайности, и ягоды хаоса давно спели, и поэтому их уже пора собирать в великое точило¹⁶ и топтать».

12. В этот момент соранзонские воины взяли Гефуша в кольцо, и когда тот силился вырваться из него, Келэофран разогнался на своём коне, вознёс над собой меч, стукнул коня ногой, чтобы тот разбежался сильнее прежнего и высоко подпрыгнул, и вонзил в рулосама свой тяжёлый сверхострый меч.

13. Это, конечно, не уничтожило его, но вскоре на помощь всаднику облаков подоспели остальные воины, и от их совместных усилий Гефуш стал терпеть поражение, а после того как сильнейший богатырь по имени Гишо́м би́лом своего тяжелейшего цепа с размаху ударил его, рулосам отлетел и скрылся в исчезающей серой мгле.

14. Таким вот образом бесстрашие и неотступность воинов трёх твердынь изгнали архонта и уничтожили его армию!

15. И тогда нугроны воспели хвалебную песнь Вседержителю Йору и нерушимым стенам Соранзона, перед которыми не раз рассеивалась мгла одиночества, боли и отчаяния!

16. После битвы властитель поднебесных твердынь ненароком встретил Атми Сиравна и заглянул ему в глаза. В них он увидел нечто родное и связывающее его с ним, нечто своё, будто бы перерождённое в нём. Он спросил его: «Откуда ты?», на что сарацин, слегка улыбнувшись, ответил: «Я пришёл из южных земель, где располагаются Ас-сурийя и великое Двуречье, где странствуют воины-сарацины и бедуины, а чуть севернее когда-то располагались государства Аккад, которым правил царь Шаркалишарри, и Атур, которое почти половину тысячелетия назад было уничтожено соседями...».

17. Сарацин рассказал повелителю о своём странствии, а после этого увидел идущую в его сторону Офшию. Поначалу он не мог понять – видение это или явь, ибо девушка и всё вокруг неё находилось в каком-то лёгком приятном сиянии. Она подошла к нему и кинулась на шею. Они обнялись. После этого он заглянул ей в глаза: в них больше не было ни обиды, ни злости, ни смутнения, ни стремления к идеальной обстановке – ведь всё и так было совершенно!

18. После встречи они начали обсуждать мрачные события, произошедшие с ними за тот период, пока они находились в разлуке. Оказалось, что этот промежуток времени Офшия по каким-то причинам очень плохо помнила, и когда сарацин спрашивал её – задыхалась ли она в серой мгле, страшилась ли всякой нечисти и смерти, встречала ли на своём пути умертвий, злых призраков, видела ли горы трупов и пропитанную кровью землю, она отвечала: «Нет. Я думала только о тебе»...

19. В это время Дмирджуран смотрел вслед уносящимся вдаль всадникам облаков, летящим словно ветер, и когда те были видны уже на горизонте, складывалось впечатление, будто бы они мчались по облакам.

¹⁵ Сорняков.

¹⁶ Резервуар для давления винограда ногами.

Книга первая «Скрытые от глаз»

Глава 1: Аорсы

1. Эта книга повествует о падении с неба престола, имя которому – Осудитель, а также о мыслях и тяготах одиноких людей, обитавших в Сарматии, бывшей Скифии.

2. Территорию от Каргалука до Хвалынского моря некогда населяли аорсы – наиболее влиятельное и воинственное племя среди сарматов, активно участвовавшее в караванной торговле между народами Закавказья и Средней Азии. Недалеко от реки Оар в одном крупном поселении вместе со своим братом Абеаком жил человек по имени Гатитал, посланный бороться с духами. Почти всю свою жизнь он злился на брата за его мировоззрение, но при этом любил как близкого человека и сочувствовал ему, потому что тот страдал от тяжких недугов.

3. Последнее время Гатитал часто сидел у подножия кургана и погружался в размышления о жизни и страдании, о истории своего народа и об отношениях между людьми. Вот его тогдашние мысли:

4. Мне хочется пребывать здесь в тишине – подальше от суетных забот, и ждать свой час, когда покой заберёт и меня.

5. Ты и глазом моргнуть не успеешь, как жизнь окажется где-то позади, и какой смысл – прожить на десять лет больше или меньше? Многие говорят, что этот смысл заключается в том, чтобы порадоваться победам наших сарматских племён. Но как я могу радоваться этому, зная, что власть и богатство со временем делают человека более бессердечным, а земная слава и завоёванные территории отнимают у него благоразумие и совесть?!

6. Когда наши кочующие племена представляли собой часть позже истреблённого нами же скифского народа, нас называли *сайримами*, что означает – «не знающие власти верховных правителей». Мы были менее развитыми людьми, нежели настоящие скифы, но по суровому нраву, пожалуй, никоим образом им не уступали, и в периоды перемен это давало о себе знать.

7. Некогда сарматские племена подвергались разложению родового строя. Многие из них смешались с иными народами Скифии, и лишь в дальнейшем некоторым группам всё-таки удалось обособиться от остальных и тем самым сохранить чистую сарматскую кровь. Хотя что это в конечном итоге принесло, кроме конфликтов? Примерно по прошествии двух столетий с того периода, как в Скифском царстве начался упадок, в савроматских¹⁷ воинах стала проявляться их истинная, не такая уж и добрая сущность. Воспользовавшись неустойчивой ситуацией в стране, они подняли мятеж, желая занять господствующее положение в обществе и забрать власть у настоящих скифов, до этого державших власть несколько столетий. Таким образом, чуть более шестисот лет назад скифские народы стали упорно истребляться группой своих же кочевых племён!

8. На протяжении этого периода понятия о милосердии и других добродетелях были чужды нашему племени аорсов, в котором превыше всего всегда ставились лишь телесные способности – сила, ум, смелость и ловкость. Впрочем, у сираков, родственных нам сарматских племён, наблюдалась аналогичная ситуация...

9. В своём миропонимании мой брат очень далёк от меня, да и вообще мы с ним совершенно разные люди. В отличие от него я считаю, что все войны и завоевания абсолютно бессмысленны: ведь когда нам будет принадлежать слишком много земель, здешний народ окончательно потеряет рассудок, пресытится и погрызнет в страстях и суете, и никому от этого

¹⁷ Во времена падения Скифии савроматы с некоторыми другими родственными племенами образовали группу племён с общим названием *сарматы*.

лучше, конечно, не станет. И тогда со стороны восхода солнца из Великой (Евразийской) степи придут более сильные и жестокие воины, нежели мы – гунны, и станут поработать, угнетать и истреблять с лица земли все сарматские народы. Они воцарятся в этих краях, но настанет время, когда и они уйдут в небытие как и все прежние завоеватели до них.

10. В противоположность моему мнению брат полагает, что завоевания являются для нас делом чести. Лично я понять этого никак не могу, и мне иногда кажется, что жестокость и слава бесстрашного воина уже стубили этого близкого мне человека;

11. однако несмотря на это, недавно я понял, что в глубине души он мало чем отличается от меня, ибо наши тела по-разному ведут себя и мыслят только лишь из-за плотских различий; но в душе я такой же аорс, как и он, и, к сожалению, из-за чёрствости своего сердца порой не вижу, казалось бы, очевидных причин того или иного человеческого поведения или образа мышления.

Глава 2: Болезнь

1. Я помню мгновения, когда мы с братом беззаботно бегали вокруг кургана, чей вид сейчас навевает на меня умиротворение и глубокие мысли. В ту счастливую детскую пору он не жаждал крови и завоеваний, а так же, как и я, мечтал найти царство, где правит милосердие и справедливость и где нет ни болезней, ни поджидающих нас поворотов судьбы. Вот его тогдашние слова: «Что заставляет людей воевать со своими братьями? Почему мы, аорсы, временами воюем с сираками? Это же родственные нам племена! Знаешь, Гатитал, я не верю, что наши предки могли веками убивать друг друга без каких-либо уважительных на то причин. Может, эти мрачные причины заключались в страдании?» Я не предал особого значения его размышлениям, однако в тот момент каким-то интуитивным образом почувствовал близость наших душ, чего совершенно не могу ощутить сейчас. Впрочем, за это время утекло много воды.

2. В давние времена мой брат ещё не был повержен страшной болезнью – его челюсть была здоровой; однако прошло несколько лет, и его одолел страшный зубной недуг. Я видел, как он превращал благоразумного человека в зверя, и брат становился всё более жестоким, не отвечал за свои поступки, и даже его голос со временем весьма изменился. К тридцати годам все его зубы настолько стесались, что лишь немного возвышались над дёснами, и жевать пищу, в особенности мясо, в такой ситуации было весьма затруднительно.

3. В молодости о своих ощущениях Абеак говорил: «Боль охватила всю мою челюсть и сломила меня, а я слишком слаб, чтобы выдержать её изнурительное воздействие». Челюсть брата и вправду была постоянно опухшей и со временем увеличивалась в размерах, и из-за этих невыносимых мучений было видно, как в нём возрастали отчаянье и ожесточение.

4. Когда я был молод, я не замечал никакой взаимосвязи между его страданиями и изменением в миропонимании; однако позже я осознал, что связь между ними оказалась прямой. Очень продолжительная боль заставляла его сходить с ума, но он был сильным человеком и не мог позволить себе смириться со своим жалким существованием.

5. Он возжелал смерти, а так как самоубийство считал грехом и проявлением слабости, то его единственной возможностью ухода из жизни стала война. К тому же ведь только на войне он сможет доказать себе, что он вовсе не жалкий калека, а сильный аорский воин.

6. Мне неведомо, кто ещё из таких же беспощадных людей носит на себе подобного рода болезни, но я знаю одно – с того, кто испытывал мучения, иной спрос за его поступки, нежели с того, кто всегда был здоров, благополучен и доволен жизнью; однако мы не можем знать всех подробностей судьбы и устройства человека и поэтому не можем судить и осуждать.

7. Никто, кроме Сотворившего всё, не вправе судить человеческую душу, ибо лишь Одному Ему известно, сколько над ней кружится духов страдания и радости.

8. Когда-то я осуждал брата за жестокость, но теперь мне приходится осуждать судьбу за жестокость по отношению к нему.

9. В нашем мире всё взаимосвязано и одно логически вытекает из другого. Вспоминая, как в детстве причиной большинства войн Абеак называл именно боль, я начинаю полагать, что он говорил об этом из-за предчувствия своей нелёгкой судьбы. Возможно, одни лишь его представления, возникшие в детстве, способны оправдать его жестокий воинственный характер; однако у многих людей, которых я знаю, никогда не возникало подобного рода мыслей, и поэтому напрашивается вопрос: а почему воюют они, и в чём причина их ожесточения?

10. Я испытываю меньше телесной боли, нежели мой брат, но мою душу наполняет такой же мрак, как и его. Ведь все наши детские представления о жизни оказались полной ерундой! Мы с Абеаком не стали храбрыми воинами благочестия, ибо я предпочёл заниматься охотой, нежели убивать людей, а мой брат решил стать воином, но не благочестия, а жестокости, порождённой всего-навсего телесной болью.

11. Временами мы с ним понимали, что в нашем мире нет царства, в котором правили бы справедливость и счастье, а не ложь, болезни, безысходность и те ужасы, что творятся вокруг. Зачем же мы тогда себя обманывали, если со временем нам во всём приходилось разочаровываться? если мы поняли, что в мире нет места любви, славным походам и приключениям, о которых мечтали в детстве, но есть страшные болезни, жестокость, одиночество, бесчувствие, жизненная бессмыслица и алчность?

12. В моей голове находится такое количество мрачных мыслей и противоречий, что мне без раздумья хочется лечь под курган и заснуть вечным сном.

Глава 3: Будь единой!

1. Я помню рай и то, каким он был прекрасным. В нём не было ни противоречий, ни хаоса, ни страданий, ни лжи, ни отчаяния; и та печаль и разочарование в теперешнем существовании, которые засели в глубине меня, отчасти являются последствием воспоминаний о бывшей свободе и ушедших наслаждениях.

2. Когда я родился в этот мир, в детстве и подростковом возрасте я часто любил погружаться в мечты и представлять себе рай, и, видимо, именно из-за этого мне всегда было свойственно идеализировать картину бытия...

3. Историю, о которой я хочу поведать вам в этом тексте, следует начать с того, что в далёкой молодости мне очень нравилось прогуливаться вдоль реки Оар – какие-то приятные чувства и безмятежность этого места тянули меня к нему. В долине этой реки, к югу от нашего поселения, на краю Сатиагдакской лесостепи располагалось иное поселение аорсов, несколько меньшее по численности, нежели наше. В средней части этого небольшого поселения, называемого Рай-нива́сом, неподалеку от воды стояла широкая хижина, мимо которой во время вечерних променажей я проходил не один раз.

4. В окрестностях этой хижины я частенько замечал одну незнакомую мне девушку. У неё были широкие карие глаза, а на голове – копна каштановых волос. Как позднее выяснилось, её звали Ки́зия. Не стану скрывать, что в те юные годы она мне сильно приглянулась, и теперь я никак не могу забыть тот момент, как много лет назад во время очередной прогулки вдоль реки я в первый раз её увидел...

5. Был ветреный день, но при этом светило яркое солнце. После беспокойной погоды, порывистого ураганного ветра она со своей семьёй поправляла хижину и заново обустривала место для костра. Я остановился понаблюдать за людьми, после бушевавшей стихии восстанавливающими родное селение, и в какой-то момент увидел Кизию, несущую в дом

глиняную посуду и пару плоских камней – видимо, предназначенных для их использования в качестве подставки для этой посуды. Сначала я хотел предложить незнакомке помочь донести тяжёлые камни, но затем засмутился и остался стоять на прежнем месте, делая вид, что не замечаю её.

6. Она понравилась мне и в моих глазах была абсолютно идеальной, и мне, как человеку, которому свойственно идеализировать картину бытия, казалось, что когда-нибудь мы будем вместе и со временем уйдём в неведомые земли, где сможем забыть нынешние невзгоды, печали и обрести совместное счастье.

7. Так – в призрачных надеждах – прошло несколько лет. Всё это время я боялся к ней подойти, так как не знал, обрадуется ли она знакомству со мной? а когда спустя годы всё же осмелился, то в разговоре с ней открыл для себя одну неприятную новость – у неё уже был друг, проживавший на противоположном конце её селения. Хотя по её глазам я понимал, что с ним она не чувствовала себя счастливой, тем не менее это не могло послужить поводом для того, чтобы я начал пытаться разлучить практически незнакомых мне людей, и поэтому продолжать наше общение было совершенно бессмысленно.

8. Я ушёл и какое-то время искал уединения в долине реки. Мне никого не хотелось видеть, кроме водной глади и плескающихся на ней рыб. Это помогало мне рассеивать тревожное состояние и хандру, однако некоторые обстоятельства в скором времени оторвали меня от этой спокойной обстановки и вынудили вернуться к обыденной жизни, повседневной суете и домашним проблемам.

9. Несколько месяцев меня ещё одолевали мрачные мысли и гнетущее уныние. Но это продолжалось лишь до тех пор, пока мне не вздумалось вновь отправиться в соседнее поселение – Рай-ниवास, отыскать там Кизию и хотя бы заглянуть ей в глаза. Ведь кто знает, может быть, за этот период она уже рассталась со своим другом?

10. Я был слишком наивен и не знал всех бед, которые способны причинить нам злые духи.

11. Когда я увидел её издали, то каким-то интуитивным образом почувствовал, что она и вправду больше не встречается со своим молодым человеком. Сперва я всем сердцем порадовался этому предчувствию, но позже, сделав несколько шагов в её сторону, я осознал причину её расставания, испугался и побоялся подходить. Я увидел, что всё её тело покрыто жуткими язвами. Оставаясь ею незамеченным, я стоял и размышлял над причиной происходящего...

12. Как же в тот момент я проклинал жизнь! С того дня мне пришлось забыть свою детскую мечту о счастье на земле и открыть для себя ещё одну печальную правду: внешние дефекты человека способны вызвать к нему отвращение. Это несправедливо и неправильно, и в этом нет никакого смысла, но всё же некий дух пустоты это совершает.

13. С тех пор прошло несколько лет – я даже не буду вдаваться в подробности – как прошли, что происходило за это время – просто пролетели бессмысленно, безрадостно – таким образом, что мне даже не хочется вспоминать свои юные годы.

14. Моё существование казалось монотонным и неинтересным, я всецело был погружён в хлябь души. Я сроднился с унынием, и в какой-то степени даже научился смиряться с ним. Это был опыт моей юности, и лишь когда я немного повзрослел, в моей жизни произошли некоторые перемены.

15. Всё началось с того, что в хижине, располагавшейся в нашем селении неподалёку от моей, проживали престарелые супруги, ожидавшие возвращения с войны своей дочери по имени Амага. Ходили слухи, что ей уже удалось убить одного врага, а по традиции это означало, что теперь ей дозволено с чистой совестью возвратиться домой и выйти замуж: некоторое время в наших землях существовали такие странные обычаи для девушек с этим именем.

16. Мать Амаги, Амаранта, прежде знала меня и относилась ко мне достаточно хорошо, поскольку видела в моём занятии – ловле зверей, большую пользу и считала добывание пищи самым необходимым делом для жизни людей.

17. Когда девушка вернулась с войны, Амаранта непременно захотела нас познакомить. Поначалу её дочь почему-то пыталась всячески уклониться от этого, но в дальнейшем и сама была рада общению со мной. Она оказалась хорошей и довольно милой, и со временем мы сдружились и даже сроднились. Всё это произошло как-то само собой, ибо я уже ничего не ждал от судьбы и ни на что не надеялся.

18. Порой наступали моменты, когда мне казалось, что лучше Амаги для меня нет никого на свете и что именно в честь неё должно быть построено следующее по счёту кладбище аорсов: это ещё один наш древний, довольно странный обычай.

19. Мы много гуляли и разговаривали на интересные темы. Мне хотелось постоянно быть с ней, и я видел, как ей хотелось того же.

20. Это было удивительно и необычно для меня, что в жизни происходит что-то хорошее. Первое время я, можно сказать, по своей наивности поражался нашему знакомству и верил, что всё так и должно быть, однако время лучше меня знает, как и что должно быть. Оно текло словно бурная река с отравленной водой и всё расставило по своим местам, и уготовило для нас нелёгкие испытания. Так не прошло и двух лет, как нас охватили ссоры и непонимание.

21. Амага оказалась совсем иной, нежели я представлял себе её в самом начале нашего знакомства; и я оказался не тем, кого она хотела видеть во мне. В этот тяжёлый период мы разлетелись словно ударившиеся друг о друга камни, и тогда я осознал ещё одну истину: как же бессмысленна телесная несовместимость, созданная злыми духами, но ты от неё зависишь, и от этого никуда не денешься.

22. В детстве, наблюдая за тем, как взрослые люди встречаются и расходятся, мне казалось, что если я кого-то полюблю, то уже никогда не брошу и не отпущу. Но сейчас я и отпускаю и бросаю, и вообще все детские мечты и представления со временем как-то рушатся сами собой.

23. Мне очень горько, но иногда и приятно вспоминать о встречах с Амагой. Она – хороший человек. Просто мы с ней – разные люди, и если нас свести, мы будем отравлять себе же существование и наше представление друг о друге станет лишь ухудшаться, чего я сильно не хочу.

24. Теперь я знаю, что на этой земле настоящего счастья не увидит никто из нас – ни мой брат, ни Кизия, ни Амага, ни я. Лучшее, что может быть – это обесчувствовать свою душу, наслаждаться мимолётными радостями и научиться не то что бы смиряться с судьбой, а подстраиваться и свыкаться с ней. Я очень хочу перенять это искусство у моего брата, поскольку ему уже удалось отчасти овладеть этим привыканием; правда, оно проявляется лишь когда его дикая телесная боль утихает.

25. Глядя на всё это, я прекрасно понимаю, что его грубый боевой характер – это всего лишь защита от страдания, но сам Абеак признавать этого не желает и по-прежнему искренне верит, что в данный момент он представляет собой такого же воина, каким мечтал быть в детстве.

26. Хотя мне и кажется, что подобные его убеждения возникли от безрассудства, я не буду больше оспаривать их, поскольку истина одна, но для меня она отражена *одной стороной*, а для брата, кто знает, может быть, и другой.

27. Как сейчас вспоминаю, с Амагой нам тоже часто приходилось спорить из-за различий в представлениях о жизни. К примеру, она хотела, чтобы я постоянно хвалил её за убийство врага на войне, однако как-то поздним вечером я сказал ей: «Оспорить твою силу и храбрость, конечно, нельзя, но убийство – это всё-таки не то, чем следует гордиться девушке».

На это она мне ответила: «Ты говоришь так, потому что сам не в состоянии никого убить, кроме мелкого зверя! Ты слабее любой сарматской женщины!» Такие слова немного задели меня: ведь я и вправду никого в своей жизни не убивал, кроме животных, да и то лишь по крайней необходимости.

28. Ещё Амага часто меня осуждала за нежелание иметь в своём хозяйстве много одежды. Я говорил ей, что две-три вещи – это вполне достаточно, однако её мечта иметь горы ненужного хлама заставляла её постоянно упрекать меня за моё нестяжание. На почве всей этой ерунды между нами поселилась чуть ли не вражда, и после многочисленных ссор у нас не осталось сил терпеть друг друга, и мы расстались.

29. Сталкиваясь с подобными ударами и поворотами судьбы, я понимал, что счастья на земле быть не может, и для того, чтобы не остаться абсолютно потерянными, надо обретать смирение. Амага же пыталась уверять себя в обратном – в том, что она должна найти своё счастье в жизни и смирение ей вовсе ни к чему. Что ж, верить – это её право, и поэтому пусть верит. Я больше не хочу ни с кем ни о чём спорить, в особенности с ней.

30. Годы уныния пролетали. На протяжении всего этого периода меня постоянно преследовало необъяснимое чувство тревоги – какого-то душевного волнения. Оно серьёзно мешало мне жить, и со временем я всё больше и больше убеждался в том, что любые причины телесных и душевных мучений надо устранять как можно скорее, пока они не сроднились с тобой. Мой сосед Умаб был такого же мнения и однажды сказал мне такую фразу: «Одна женщина не должна являться причиной переживаний, так как кроме неё есть множество других». В чём-то, может, он и прав, но какое-то внутреннее ощущение всё же заставляло меня противиться его суждениям. Я видел в них что-то неправильное, чего не могу объяснить, наверно, из-за нехватки словарного запаса и отчасти неумения выражать свои мысли; однако порой случается, что на словах ты чего-то выразить не можешь, а в душе видишь это как ясный свет...

31. Было дело, когда меня затеребили воспоминания. Я вернулся к тому месту, где несколько лет назад расселялось ныне перекочевавшее на юг – к Хвалынскому морю, племя, в котором жила Кизия. Я стоял и смотрел на поляну, по которой некогда ходила та девушка, и думал одновременно и о Кизии и об Амаге. В детстве мне казалось, что тот, о ком мечтаешь ты, обязательно должен стать тем, кто мечтает о тебе. Также в детстве я полагал, что в жизни человек должен встретить только одну любовь, однако время явило несостоятельность этих представлений.

32. Неожиданно какое-то необъяснимое, сидевшее в глубине души чувство заставило меня говорить: «Почему в мечтах всё совершено, а в жизни всё неправильно, на небе любовь великая и единая, а на земле – скудная, быстропроходящая и размытая? Будь единой! мне больше нечего сказать».

Глава 4: От моря Каргалук до Херсонеса

1. Сейчас я прекрасно осознаю, что целью, ради которой воюет мой брат, является пустота. Он очень сильно жаждет новых завоеваний, в то время как больше половины людей, населяющих его родные земли, являются *аланами* – агрессивными и порой враждебно настроенными против нас сарматами, пришедшими с юго-запада. Но даже всецело осознав бессмысленность действий Абеака, я больше не хочу возражать ему, хоть и знаю о нём неведомое ему самому – то, что он воюет не из-за славы и новых земель, а из-за своей большой челюсти, как бы глупо это ни звучало.

2. Я начал сильно сочувствовать Абеаку с тех пор, как сам испытал похожую боль и лишился нескольких зубов. При этом от осознания мизерной цены своих мучений по сравнению с муками брата мне становилось ещё более тревожно за него; правда, так, как я переживаю за него сейчас, я не переживал ещё никогда...

3. Сегодня вечером он вернулся с очередного сражения. Его конный отряд ходил в дальний поход, чтобы напасть на поселение иноземцев, сжечь его и разграбить.

4. Брат оказался серьёзно ранен в плечо, и мне пришлось позвать знакомую целительницу. Эта полная женщина неторопливо осмотрела его, сперва с разочарованным видом заявила о серьёзности ранения и повреждении кости, а затем обработала рану, посоветовала пить некоторые настои трав и покинула наше жилище.

5. Я видел, как Абеак угасал на глазах. С каждым днём его лицо становилось всё бледнее и бледнее, и вместе с ним бледнела и моя душа, терзаемая тысячами сомнений. Временами я намеревался отправить его к нашим родителям, проживающим к западу отсюда, но какое-то глубокое чувство подсказывало, что нам следует находиться вместе...

6. С великой скорбью я наблюдал за ним и понимал, что внутренне Абеак сломлен, но в попытке ухватиться за что-то светлое он иногда всё же вспоминал какие-то добрые и весёлые события из своей жизни. По всей вероятности, в таком тяжёлом состоянии его боль несколько притупилась – так, что иногда он мог спокойно рассказывать мне интересные вещи:

7. «...Ещё совсем недавно ты общался с Амагой; но знаешь ли ты, в честь кого ей дали такое имя? – после моего отрицательного ответа он продолжил, – В честь великой царицы Амаги.

8. Давным-давно – около шестисот лет тому назад, вместе со своими всадниками она за один день проделала путь от моря Каргалук до города Херсонес для того, чтобы снять с него скифскую осаду. Увидев на коне могущественную и непобедимую женщину, скифы ужаснулись и стали поговаривать про неё, будто бы она – богиня. В наших же землях с тех пор, как Амага освободила Херсонес, пошёл слух, что если названная в честь неё женщина убьёт на войне двух врагов, её ждёт счастливое замужество и ей будет полагаться множество почестей».

9. – «Значит, Амага ещё не может выйти замуж? – поинтересовался я бывшей подругой, – Ведь она убила только одного врага».

10. Абеак посмеялся, насколько это было возможно в его положении, и ответил: «Это поверие исчезло ещё несколько сотен лет тому назад; так что, не переживай за неё...

11. Знаешь, брат, я всегда понимал, почему ты был настроен против войн, однако не мог с тобой согласиться лишь из-за повиновения моего разума этой проклятой боли. Именно боль в различных её проявлениях поселила во мне уныние и тревогу, которые в свою очередь поселили во мне желание скрыться от глаз».

12. После этих слов я уговорил брата поспать, и он заснул, вслед за чем мне захотелось отправиться к кургану и посидеть рядом с ним в размышлениях о жизни.

Глава 5: У кургана

1. Поскольку курган является единственным красивым местом, произведённым нашим сарматским племенем, мы должны дорожить им и пытаться уберечь от разрушительной стихии времени; однако мало того, что мы этого не делаем, так среди нас ещё находятся грабители, осмелившиеся потрошить могилы мёртвых.

2. Таких людей многие осуждают и нередко на довольно жестокие наказания. Я же не считаю, что за это следует карать смертью или увечьями, но было бы вполне справедливо заставить воров вернуть украденное, а также заглаживать свою вину, например, ухаживая за курганом и выполняя полезную для селения работу в течение многих дней.

3. Моё терпимое отношение к ним объясняется ещё тем, что я считаю большим злодеянием красть не у мёртвых, а у живых, которые, в отличие от первых, ещё не способны так равнодушно переносить утраты и потери; хотя сидя возле захоронения моих предков, мне, конечно, очень неприятно осознавать это место полем действия бандитов и воров.

Потрошители забирают не только имущество, принадлежащее мёртвым, которым уже всё равно, но и причиняют моральный ущерб живым, кому дорога память об ушедших. Поэтому прежде чем позариться на могилы, подумай, стоит ли воровать то, что и ты приобретёшь посмертно?

4. Курган – довольно завораживающее место, способное рассказать нам о наших предшественниках. Нынче он напомнил мне одну давнюю историю, но прежде чем рассказать её, сперва я хотел бы поведать вам о взаимоотношениях наших племён и человеческой вражде как таковой...

5. Наши западные братья, роксаланы и языги, четыреста с лишним лет назад создали очень мощное государство. Кто говорит, что они сделали это для обороны от римлян – наших общих западных врагов, владеющих Мёзией – желанным объектом для завоевания роксалами и языгами, не правы, поскольку на самом деле они создали это государство для защиты от нас – восточных сарматов, которым всё равно, кого завоёвывать – чужестранцев или своих же братьев...

6. По всей видимости, вражда является неотъемлемой частью человеческой сущности. Мы враждуем, и только опасность или чьё-то вторжение со стороны способны сблизить и укрепить между нами связь. Мы ненавидим друг друга, и лишь общая беда примиряет нас и гасит ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.